

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 40
ISSN 0343-5245

Иван Русланов

ЖИЗНЬ И АФОРИЗМЫ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА (внука)

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 40

Иван Русланов

ЖИЗНЬ И АФОРИЗМЫ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА (внука)

ПОСЕВ 1981

Приложение к ежемесячному журналу «П о с е в»

Выходит 4 раза в год

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt/ Main
Printed in Germany

Иван Русланов — псевдоним Бориса Дмитриевича Евдокимова.

Под этим же псевдонимом он написал большую работу „Молодежь в русской истории” (напечатана в журнале „Грани” №№ 68, 80-81, а затем издана отдельной книгой в изд. „Посев”, 1972).

Б. Д. Евдокимов родился в 1923 году. Еще юношей он начинает борьбу против тоталитарного коммунистического режима. Его арестовывают в 1943 г., в 1952, в 1964 и, по-

следний раз — в октябре 1971 г. („за сотрудничество с НТС“). Бесперывные допросы и одиночка не сломили Евдокимова. Суд в июне 1972 г. власть проводит без него, боясь его слов правды на процессе. Евдокимова заключают в психиатрические больницы, но и в условиях ада Днепропетровской и Казанской СРБ он не отказался от своих убеждений. И власть делает ставку на его физическое истребление. С е м ь лет Евдокимова держат в психобольнице и выпускают лишь, когда у него установлена смертельная болезнь — рак легких. 4 октября 1979 г. он скончался в Ленинграде. (Подробнее о Б. Евдокимове см. „Посев“ №№ 10 и 11, 1979)

Борис Дмитриевич был одним из первых, и до сих пор столь редких, настоящих политических публицистов возрождающейся России. Обладая политическим мышлением, он был человеком дела, и это дело осмыслялось глубиной и твердостью его духовных и моральных убеждений. Его личность поражала не только умом и политической зрелостью, но и своей добротой, человечностью. Помнятся слова одного из наших друзей после встречи с Б. Евдокимовым: „Он произвел на меня потрясающее впечатление. Он очень хорошо знает, что делает и отдает себе отчет во всем, не боясь последствий“. И все, посещавшие его, уже умирающего, отмечали стойкость его духа и ясность ума.

Мы печатаем здесь ходившее в Самиздате как „несерьезное“ произведение Б. Евдокимова, наполненное однако глубинным смыслом.

Как известно, знаменитый Козьма Петрович Прутков обладал многочисленным семейством. После его смерти осталось 4 дочери и 6 сыновей. Однако вряд ли кому известно, что один из прямых потомков прославленного писателя дожил до наших дней. Речь идет о Кузьме Федотыче Пруткове, родившемся в 1900 г. в Санкт-Петербурге, в семье статского советника и кавалера Федота Козьмича Пруткова, младшего сына Козьмы Петровича, названного им Федотом в честь прославленного им своего деда Федота Козьмича.

В свою очередь статский советник и кавалер Федот Козьмич Прутков назвал своего младшего сына в честь еще больше прославившего их род великого отца Козьмой.

Жизнь Козьмы Федотыча не протекала, да и не могла протекать столь гладко и ровно, как жизнь его предков. Виной тому бурные исторические события, в которые он был брошен как щепка в море и по грозным волнам которых он носился всю жизнь.

Революция настигла Козьму Федотыча, когда он не успел еще окончить гимназию. В 1918 г. отец его, как "столп старого режима и генерал" /он служил в Императорской Публичной Библиотеке и был не действительный статский советник /генерал/, а просто статский советник, т.е. советник, до генеральского чина еще не дослужившийся/, был арестован грозным чека и провел свыше года в созданных как раз

в это время концентрационных лагерях, занимаясь там всякого рода "полезным для общества" физическим трудом.

Мать Козьмы Федотыча, не вынеся прелестей военного коммунизма, умерла с голода и горя. Старший брат Козьмы Федотыча, Алексей Федотыч, подполковник, потеряв ногу и руку в июньском наступлении и получив множество других ран, находился в госпитале, откуда был извлечен бдительными братишками-матросами и выведен в расход как "явный контра и золотопогонник".

Юный Козьма остался со своей тетушкой Анной Петровной и ее дочерью Аглаей.

Жизнь их была нелегкая. Тетушка, как "чуждый элемент буржуазного происхождения" /она была вдовой директора гимназии/, была вместе со своей семьей /двумя дочерьми, из которых младшая Нина вскоре была изнасилована и убита пьяными героями революции - матросами, а сын прапорщик был арестован и утоплен в Финском заливе вместе с тысячами других, таких же как он контрами и буржуями/ выселена из 4-комнатной квартиры, которую она до сих пор занимала, и помещена в подвал в одну комнату. Квартиру же ее поделили "пострадавший за мировую революцию" Федька Корешок, широко известный на всю округу вор и хулиган /он был осужден "старым режимом" за кражу и дезертирство и сразу же после освобождения сделался ярым большевиком/, и бывшая проститутка Манька Засос, которая, будучи "стойкого пролетарского происхождения, свирепо страдала со стороны старого режима, купцов, буржуев и всей мировой контрреволюции", как было сказано в характеристике, написанной председателем домкома тов. Дубовым. Под влиянием "развитого и сознательного пролетария" Федьки Корешка, или как его стали называть това-

рица Федора, Манька вскоре вступила в партию, сделалась гражданской женой товарища Федора и сама стала товарищем Марией, получив вскоре назначение в качестве комиссара народного просвещения. Товарищ же Федор был направлен на службу в органы чека и вскоре занял там довольно видное положение. Оба супруга взяли себе новую, революционную фамилию Стойковы.

Очутившись в подвале с тетушкой и кузиной, Козьма был вынужден есть, пить, да еще помогать тетушке и юной Аглае. А по тем временам это было трудно. Особенно для людей не пролетарского происхождения. Бывало придешь в одно из бесчисленных учреждений, а там тебе сразу анкетку. "Заполните, пожалуйста, товарищ дорогой", а в анкетке—то первый вопросик о происхождении... Дескать, какого сословия родители... чем они занимались до 1917 года и если человек не обладал стойким пролетарским происхождением, то уж не взъщите. Следовал от ворот поворот.

А есть и пить юному Козьме, равно как и его тетушке и кузине, тем не менее хотелось.

По обычаю того бурного и весьма фантастического времени, у таких как Козьма и его тетушки оставался только один способ не умереть с голоду: заняться мешочничеством. А это означало собрать оставшееся чудом от бесчисленных реквизиций, конфискаций и экспроприаций небольшое количество ценностей и отправиться с ними в деревню, по возможности в наиболее плодородные части страны, дабы обменять там все это на продукты, годные для поддержания жизни брэнного тела. Эквивалент этого обмена был такой же фантастический, как само время. Например, за полпуда муки шел массивный золотой браслет с золотыми же с бриллиантами серьгами в придачу, а за два фунта масла "шел" не менее массивный фамильный перстень.

Впрочем, главное было не в этом. Главное было в том, что ехать в деревню за продуктами было столь же трудно и рискованно, как конквистадорам отправиться на поиски Эльдорадо. А, пожалуй, даже еще труднее. Судите сами. Выезд всем советским гражданам был запрещен. Ехать было можно только по специальным командировкам, разрешениям, мандатам и т.д. Надо было, значит, в первую очередь доставать документ, "липу", как говорили тогда в подобных случаях. Кроме того, не было билетов. Так вот и не было. Советская власть отменила билеты. Раз некому ездить, значит и некуда ехать. Ведь все равно, без мандата нельзя. Те же, у кого был "мандат", ехали бесплатно, то есть брали поезд приступом, направление же маршрута было приблизительное.

После того как "мешочник" достал "липу" и ему удалось взять штурмом нужный ему поезд, опасности для него только начинались. Впереди были заградительные отряды, патрули, обыски, проверки.

Стоит поезд где-то на станции. Долго стоит. Всю ночь. Вдруг на рассвете крики, выстрелы, ужас. Врывается в вагон детина в матросской форме и палит без устали из маузера в потолок. На детину посмотреть страшно, хотя вид его колоритный, живописный. На широчайший матросский клеш нашиты перламутровые пуговицы, весь обмотан пулеметными лентами, на поясе два револьвера и ручные гранаты, а на руках золотые браслеты, через плечо карабин дулом вниз. Вслед за детинкой входят такие же, как и он. Весь поезд оцеплен. Это заградительный отряд. Чека. Краса и гордость революции - матросы. Идет проверка документов и... реквизиция или конфискация, как это сейчас называется не разберешь. Матросы с тачками. На тачки грузят добычу и везут к себе. Если не удастся сунуть несколько оставшихся золотых монет "стражу революции", можешь

потерять не только мешок, но и жизнь. Время горячее, революционное, фантастическое.

Но и это еще не все. Однажды на Украине Козьму поймали хлопцы батьки Махно и, приняв его за деникинского шпиона, чуть не изрубили на капусту. Спасло чудо. "Хлопчика" почему-то пожалела любовница командира банды, вышедшая в это время на крыльцо. Так как вскоре выяснилось, что Козьма умеет играть на скрипке, он был сделан придворным скрипачом батьки, ездил с ним на тачанке и играл на скрипке даже во время боя, "для большего героизма души". К счастью для Козьмы и литературы, ему удалось вскоре бежать.

Однако на беду свою, он попал в Харьков как раз в то время, когда в него входили "красные герои". Козьма был близорук и поэтому надевал иногда пенсне, - этого было достаточно, чтобы один лихого вида "красный герой" в широченных красных галифе с серебряным позументом, ехавший впереди эскадрона, вынул маузер и выстрелил ему в голову. Красные тогда стреляли во всех, кто носил очки или пенсне /исключение, правда, делалось иногда для евреев/, ведь пролетарии пенсне не носили...

Козьму и здесь спасли. Юношу подобрала какая-то мещанка и выходила его, рана же оказалась не опасной. Мещанка же не только выходила Козьму, но и научила его радостям любви, о которых он был в то время весьма смутного представления. Была эта мещанка бела, здорова, занималась торговлей бубликами и было ей всего 44 года. В общем баба была, как говорится, в соку.

Естественно, что опыт жизненный был приобретен Козьмой Федотычем немалый. Однако сей тягостный опыт еще только начинался. Тетя была больна, выпущенный отец был тяжело болен, Аглая если и устраивалась на службу,

то почти сразу же попадала под сокращение. Стало быть вся тяжесть жизни лежала на Козьме Федотыче.

К счастью дана была передышка народу. Наступил нэп. Козьма Федотыч /теперь уж он стал просто Кузьма, - ничего не поделаешь - время демократическое!/ испробовал массу профессий. Он был сельским учителем, бухгалтером, каким-то просто совслужащим, был даже секретарем военкома, потом был приказчиком в магазине какого-то непмана, наконец, сам пустился было в торговлю, открыв овощную лавочку, но, мгновенно прогорев, к торговле больше не возвращался.

Наконец, после многих метаний Кузьма Федотыч нашел тихую пристань и стал библиотекарем маленькой библиотечки. Был он там один, совмещал в своем лице и заведующего и "просто" библиотекаря. Приходили люди и он выдавал им книги. И "про любовь", и "про красивую жизнь графов и князей" и "про войну" и "про революцию". "Про шпионов" тогда еще не было. Был Шерлок Холмс, был Пинкертон, был русский сыщик Путилин /правда Пинкертон и Путилин из государственных библиотек изымались и давались из-под полы, за известную благодарность/. Все же "гражданин старорежимного происхождения" Кузьма Федотыч был доволен: теперь он занимался любимым делом многострадальной русской интеллигенции, просвещал многострадальный народ. За просвещение платили. И по советским ставкам не так уж чтоб слишком мало. Но во всяком случае, с голоду можно было и не умереть. Хотя постоянный голод Кузьма Федотыч и испытывал. Но в то время даже "честные пролетарии" местами вымирали с голодухи, так на что же было роптать ему, "осколку разбитого вдребезги"? Он и не роптал.

Но, как поется в старом романсе, "судьба играет человеком". Недолго пожил со своим люби-

мым сыном Кузенькой престарелый Федот Козьмич. Недолго понаслаждался он прелестями мирной нэповской жизни. Не прошло и 2 лет, как хилый старец, оказавшийся вовсе не хилым старцем, а "заядлым белогвардейцем и польским шпионом" /в то время в моде были польские шпионы/, был вновь арестован бдительными стражами революции. Однако коварный старец, будучи отъявленным контрреволюционером, не раскаялся и не признал свою вину перед пролетарским государством, а вместо всего этого умер. Так взял и умер, проявив еще раз свою саботажническую контрреволюционную природу.

Как глаголит народная мудрость, "раз случилась беда, открывай ворота". Народная же мудрость, как известно, никогда не ошибается, кроме того, вышеозначенные ворота, на Советчине единственные ворота, которые всегда широко распахнуты для всех. Короче говоря, вслед за Федотом Козьмичем были арестованы сын его Кузьма Федотыч, тетушка и Аглая. Таким образом "передышка" оказалась недолгой.

2

Допрос Кузьмы Федотыча вел старший следователь ОГПУ товарищ Федор Иваныч Стойков. Это был следователь по особо важным делам и от его проницательного взора нельзя было уйти.

- Вы, значит, графского корня, - сурово и в то же время скрыто насмешливо спросил Федор Стойков, смятенного Кузьму Федотыча.

- Почему графского? - удивился и почему-то вдруг очень испугался Кузьма Федотыч, - потомственный дворянин, да... в этом я признаю себя виновным, но графского... нет, уж чего нет, того нет!

- Толкуйте! Я сам читал. Отец Кузьмы Пруткова известный мракобес и реакционер граф Алексей Толстой. Алексей, - понимаете? - как-то особенно сурово и значительно произнес имя "Алексей" тов. Стойков.

- Позвольте... - залепетал было бедный Кузьма Федотыч.

- Ничего я вам не позволю, - холодно и строго прервал его товарищ Стойков, - вы незаконный сын графа Толстого, известного придворного реакционера и врага революции.

- Так ведь это знакомый деда... - начал было снова Кузьма Федотыч.

- Молчать! - негромко, но очень внушительно крикнул товарищ Федор Стойков, - если я говорю, что он ваш отец, значит он ваш отец. Здесь ОГПУ, понимаете о-ге-пе-у. А огепеу все знает. Понимаете все. Лучше, чем вы знаете. Понятно? - закончил товарищ Стойков и в голосе его была непреклонная сталь, а глаза, влившиеся в арестованного, видели его насквозь.

Конечно, Кузьме Федотычу ничего не оставалось как признать себя сыном графа Алексея Толстого.

- Так, значит, и запишем, - удовлетворенно сказал товарищ Стойков, - перейдем теперь к вашей работе в польской разведке.

Кузьма Федотыч только рот раскрыл.

- Итак, какое задание вам поручили?

- Позвольте, - едва выговорил побелевшими губами Кузьма Федотыч.

- Я же вам уже сказал, что ничего вам не позволю, - сурово прервал его товарищ Стойков.

Товарищ Стойков нажал кнопку и в комнату вошел конвоир.

- Впустите Пшипроцкого, - приказал товарищ Стойков.

В комнату вошел маленький плотный гражданин средних лет и с польскими усами.

- Вы узнаете гражданина Пруткова, - спросил его товарищ Стойков.

- Конечно, - с готовностью и услужливостью отвечал Пшипроцкий, - это библиотекарь Кузьма Прутков, ему я передал задание от дефензвы и от савинковского союза...

- О том, какие задания вы передали гражданину Пруткову, вы расскажете после, - прервал его товарищ Стойков.

- А вы, гражданин Прутков, узнаете этого товарища, т.е. гражданина, - поправился товарищ Стойков.

- Д-д-а-а, он заходил ко мне в библиотеку раза два, три...

- Раза два-три? - иронически переспросил товарищ Стойков, - а у нас сведения, что он к вам... - товарищ Стойков замялся, открыл "дело" и долго листал его, - да... вот нашел... у нас сведения, что он с вами встречался сорок три раза! Понимаете, сорок три раза!

- Сколько раз вы встечались с ним, товарищ, т.е. гражданин Пшипроцкий?

- Сорок три раза, конечно, - вежливо улыбнулся Пшипроцкий.

Через несколько дней Кузьма Федотыч признал, что он являлся резидентом польской разведки

и руководителем савинковской пятерки. Задание его состояло в проведении антисоветской агитации, в сборе сведений, касающихся военно-воздушного флота и в вербовке новых членов. Главным свидетелем обвинения был Феликс Пшипроцкий, главный резидент польской разведки в РСФСР и руководитель савинковского союза в центре России.

Через месяц тройка ОГПУ приговорила Кузьму Федотыча Пруткова к 10 годам заключения. К такому же сроку были приговорены тетушка и Аглая.

3

Отбывать срок заключения Кузьма Федотыч был направлен в знаменитый в то время СЛОН или в переводе на общепонятный язык Соловецкий лагерь особого назначения.

Нелегко пришлось в СЛОНе Кузьме Федотычу - и комары его кусали, и голодом его морили, и избивали его охранники и уголовники /как контру, они-то ведь Родину не продавали, они были социально-близким элементом, временно только сбившимися с пути, а люди, подобные Кузьме Федотычу, были социально чуждыми "шпионами"/, и на лесоповале он работал, и на торфу, и грыжу получил и ревматизм. Наверное, там бы он и "загнулся", если бы не случай.

Приехал на Соловки один всемирно известный писатель, любимец многострадальной русской интеллигенции и любитель босяков. Писатель приехал, чтобы написать хвалебный очерк о Соловках. О том, как советская власть людей перевоспитывает и какая она, советская власть, гуманная. Всемирно известный писатель интеллигенцию, обожавшую его, в сущности презирал. Всемирно известный писатель уважал только

босняка. Тем не менее, интеллигентов он иногда жалел. Во-первых потому, что, несмотря на весь свой босяцкий опыт, все-таки считал себя интеллигентом, так как это было все же лестно и пикантно в одно и то же время, дескать, вот смотрите, какой я босьяк, какой я пролетарий, как я презираю всех вас, а ведь в то же время я хм-хм тоже... ведь того... писатель... стало быть интеллигент... представитель умственной элиты; во-вторых интеллигенция, несмотря на плевки в ее сторону всемирно известного писателя, все же этого писателя уважала, любила и прославляла, а это, что ни говори, все же лестно, да и не бесполезно... в-третьих, интеллигенция /русская многострадальная/ действительно внушала жалость, да и не могла не внушать. Такая уж она была жалкая, эта интеллигенция... Одним словом, всемирно прославленный писатель покровительствовал интеллигенции.

Поэтому, собирая материалы для своего хвалебного и прославляющего советскую власть и лагерное начальство очерка, всемирно прославленный писатель ознакомился с разными обитателями этого столь показательного и гуманного учреждения. Среди этих обитателей он случайно и встретил человека с литературной фамилией - Прутков. Всемирно прославленный писатель, становящийся к этому времени, к слову говоря, главой совершенно нового и совершенно необычного литературного направления - социалистического реализма, направления реалистического по форме и социалистического, т.е. совершенно не реального по содержанию, еще более удивился, узнав, что Прутков носит имя Кузьма.

- Так вы, значит, того... Кузьма Прутков? Хм, хм, - иронически усмехнулся в усы всемирно прославленный писатель.

- Да, я Кузьма Прутков, то есть не совсем Кузьма Прутков, но все же некоторым образом, понимаете ли, все же и Кузьма Прутков, - залепетал смутившийся беседой с таким известным гостем Кузьма Федотыч.

Всемирно известный писатель улыбнулся шире. Ему, наверное, польстило такое смятение души Кузьмы Федотыча, ведь всемирно прославленный писатель был не просто всемирно прославленный писатель, но и основатель нового направления фантастического реализма и в литературе был своего рода диктатор, был даже не генералом, а маршалом от литературы, во всяком случае, у себя на родине.

- Так вы стало быть хотите сказать, что вы просто однофамилец Кузьмы Пруткова? - сказал он.

- Нет, нет, - заторопился испуганно Кузьма Федотыч, боясь, что всемирно прославленный писатель кончит с ним беседу и он не успеет попросить у него во имя своего знаменитого деда о помиловании. - Я не однофамилец, я действительно Кузьма Прутков.

- Да вы знаете ли, кто такой Кузьма Прутков, - насмешливо пробасил всемирно прославленный.

- Да, да, - с готовностью задискантил Кузьма Федотыч, - Кузьма Прутков это мой в некотором роде дед, а вот я хи-хи тоже... В честь деда, значит, назван тоже, хи-хи, в некотором роде Кузьма Прутков, хотя, конечно какой же я Кузьма Прутков! Я так себе, просто... - окончательно запутался Кузьма Федотыч и сконфуженно замолчал.

Прославленный писатель был очень удивлен. Прославленный писатель с интересом выслушал грустную историю Кузьмы Федотыча.

- Вот то, что вы признали свою вину перед пролетариатом, это хорошо, - милостиво и назидательно сказал всемирно прославленный, - пролетариат великодушен... если вы, так сказать, разоружились, то что ж... ведь вы все же потомок известного писателя, сатирика... можно похлопотать... Да, хорошо, что вы признали свою вину, - повторил всемирно прославленный, - вот если бы не признали, то уж не взъщтите, - если враг не сдастся, его уничтожат!

Как бы там ни было, но в результате хлопот всемирно прославленного /воздадим и мы ему хвалу/ Кузьма Федотыч был помилован, отсидев /вернее, отработав/ вместо положенных ему 10 лет всего только 8 с половиною. Ему даже в Ленинград вернуться разрешили. И даже библиотекарем разрешили устроиться. И даже в ту же самую районную библиотеку, из которой его арестовали. Это было уж совсем чудом. Кузьма Федотыч так и расценил это: сходил в Никольский собор и поставил свечку Николаю Угоднику.

Тетушка, как стало известно Кузьме Федотычу из наведенных справок, умерла где-то на этапе, Аглая же, сосланная на поселение в один из сибирских городов, устроилась наконец аккомпаниаторшей в местном цирке.

4

Кузьма Федотыч стал жить один. Вскоре дела его настолько хорошо пошли, что он получил даже отдельную комнату в 11 метров на 5-м этаже в квартире из 6 комнат, в каждой из которых жило в среднем по 5 человек. Это было действительно большой радостью, которую современному человеку не совсем можно понять. И сейчас трудности. Что и говорить! Не будем закрывать глаза на временные трудности. И сейчас не прописывают. Не прописывают в Ле-

нинграде, в Москве, конечно, в столицах союзных республик и в крупных городах. Прописывают только в небольших городах - в Чухломе, например, в крупных же городах прописывают только мужа к жене, жену к мужу, отца к детям /наоборот нельзя. Детям к родителям нельзя, разве что родители тяжело больны и нетрудоспособны. Тогда по наведению соответствующих справок и хлопот - можно/.

Комнату получить тоже трудно. Очередь, товарищи. Ждать надо. Долго. Года 4, 5, 6. Правда, можно и ускорить. Если деньги есть. Все возможно ускорить, если деньги есть. Даже очередь на комнату. Даже очередь на квартиру. Но все же сейчас какое-то движение. Дома строятся. И на комнату очередь одиноким, а ежели женат - очередь уже на квартиру. Однокмнатную. А иногда даже и на двухкомнатную.

Тогда дома не строились. Движения не было. Дома занимались под разные учреждения и организации. И росли эти учреждения и организации, как грибы после дождя.

Кузьма Федотыч снимал угол. И платил дорого за этот угол. Особенно если учесть, что жалование его было библиотечарское.

Хозяин, весьма стойкий пролетарий, каждую неделю напивался. Таков уж у него был обычай. Когда напивался "бузил", т.е. бил свою жену и двух детей, но иногда /и не так уж редко/ доставалось и Кузьме Федотычу.

- У морррда, мать твою перемать, - кричал пролетарий, - не дорррезали вас в 17-ом сволочей... Нет, ты постой, постой, - загораживал он дорогу Кузьме Федотычу, видя, что тот собирается выскользнуть за дверь, - я ведь тебе ничего не сказал... ты вот рабочий класс уважаешь?

Он хватал Кузьму Федотыча за "грудки" и грозно кричал:

- Ты рабочий класс уважаешь?

- Уважаю, ей-Богу, уважаю... я от всей души готов уважать, я завсегда... - Кузьма Федотыч нарочно говорил завсегда, думая, что так будет приятно пролетарию.

- Ну вот то-то завсегда... - казалось, сменял гнев на милость пролетарий, - а ты вот меня уважаешь? - пыхтел он снова в лицо Кузьмы Федотыча водочным перегаром.

- И вас уважаю. Я вас, Иван Степаныч, всегда уважал, я понимаю, - придавая своему голосу сочувственные оттенки и стараясь говорить как можно искреннее, отвечал Кузьма Федотыч, а сам думал, как бы только пронесло и пролетарий отпустил бы, - я понимаю, вы труженик, вы рабочий класс, на вас все держится...

- Вот то-то все держаться... труженик... - Иван Степаныч наконец отпускал Кузьму Федотыча, - я, брат, с 14-ти лет на заводе работаю... Ты это понимаешь? - вдруг опять почему-то свирепел пролетарий.

- Я все понимаю, я, ей-Богу, все понимаю, - умолял его Кузьма Федотыч.

- Ни х.. ты не понимаешь! Я вот 30 лет вкалываю... потому как есть рабочий класс... и ты должен меня уважать!

Такие содержательные беседы, иногда кончавшиеся мордобитием, иногда нет, происходили каждую шестидневку. В то время недель не было. А месяц был поделен на шестидневки, каждое шестое число было выходным. Неделя же была отменена. Отменена во избежание воскресных дней. Воскресные же дни были отменены

потому, что отменена была религия. Церкви закрывались, превращались в склады, клубы, антирелигиозные музеи. Священники же отправлялись в места весьма отдаленные, а часто и туда, "откуда нет возврата".

В стране наступал социализм, а при социализме, как известно из сочинений "классиков марксизма-ленинизма", религии быть не должно. Она должна отмереть. Она и отмирала...

5

Из всего вышеизложенного станет вполне понятной радость Кузьмы Федотыча, когда он получил отдельную 11-метровую комнату на 5-м этаже в квартире из шести комнат с населением в 30, в среднем, человек.

О том, как жилось Кузьме Федотычу в этом "новом ковчеге", мы не будем много говорить. Об этом и так рассказано немало. У Зоценко, например, и у других современных тому времени писателей. Скажем только, что испытать Кузьме Федотычу пришлось почти все, что обычно испытывали люди, жившие в коммунальных квартирах. И скандалы ему устраивали за слишком долгое просиживание в уборной /уборная в квартире была одна, а жильцов, включая Кузьму Федотыча, 31 человек, неудивительно, что в часы "пик", т.е. перед уходом на работу и после прихода с работы перед уборной возникала очередь, у Кузьмы же Федотыча был катарр желудка, задерживающий его пребывание в этом столь необходимом месте на более долгое, чем положено, время/, и тараканов ему в суп подбрасывали, и из-за света с ним ругались, и в замочную скважину подсматривали, когда к Кузьме Федотычу приходила женщина /Кузьма Федотыч был отнюдь не святой и не старый в те годы еще мужчина и, разумеется, нуждался в женских ласках/, и били его за

что-то несколько раз, в общем было все, что бывало в таких местах обычно. Ничего особо выдающегося, из ряда вон выходящего не было. Была нормальная советская жизнь в нормальной советской коммунальной квартире, которых и сейчас осталось немало. В которых и сейчас живет большинство населения в крупных городах.

Поэтому Кузьма Федотыч был доволен. То есть не то чтобы вообще доволен, а в общем и целом, понимая, что иначе и быть не может, а роптать значит расстраивать свою собственную нервную систему. Он и не роптал.

Через 4 года такой спокойной и умеренной жизни Кузьма Федотыч почувствовал себя настолько хорошо, что решил обзавестись семьей. Жених он был довольно завидный: не стар, а главное обладал собственным личным счетом, в собственной коммунальной квартире. Поэтому ничего не было удивительного в том, что Кузьма Федотыч после двухмесячного ухаживания за библиотекаршей из соседней библиотеки Зоей - женился на ней.

Зоя была молода и красива. Жила с родителями и братишкой в 18-метровой комнате. В квартире было всего 6 комнат и жило в них что-то около 40 человек. Дело в том, что квартира была "буржуазная", находилась в центре, на 2-м этаже и жил в ней до революции молодой инженер с женой /без детей/.

Ничего, конечно, нет удивительного в том, что апартаменты Кузьмы Федотыча показались Зое настоящим дворцом. Она так ему и сказала однажды: "У вас не комната, а настоящий дворец".

В комнате действительно было уютно: полутораспальная никелированная кровать по левую сторону, по правую - вешалка для пальто /де-

мисезонного, т.е. пригодного для всех сезонов/ и синего костюма из толстого материала, которому, как говорится, "сносу не было" и который был перешит из какой-то дореволюционной бекешки. Кроме этого выходного платья у Кузьмы Федотыча имелась еще "толстовка" из "чертовой кожи" и две пары хлопчатобумажных брюк. Таким образом, одевался он неплохо.

У окна стоял стол на изогнутых ножках старинной работы. Наверное, этот стол в стиле рококо и придавал главным образом комнате Кузьмы Федотыча "дворцовый" вид. Столик был действительно нарядный и купил его Кузьма Федотыч по случаю у одной дамы, вдовы врача, но на беду не простого врача, а действительного статского советника, стало быть "генерала". Ввиду же происходившей в это время "паспортизации", даму эту, как вдову "генерала", т.е. совершенно и абсолютно социально-чуждый элемент, решено было из Ленинграда выселить и направить ее на жительство куда-то в Казахстан. Дама эта и до выселения жила исключительно продажей вещей. Пенсии ей, конечно, никакой не полагалось. Столик же в стиле рококо и старое когда-то "вольтеровское" кресло были теми двумя вещами, кои оставались еще у этой весьма престарелой дамы такого совершенно чуждого социального происхождения.

Кузьма Федотыч и купил этот столик, а заодно и "вольтеровское" кресло /это сооружение к этому времени весьма мало напоминало собою кресло, тем более "вольтеровское"/, выручив даму как раз накануне ее выселения. Кузьма Федотыч даже, пожалев даму, дал ей несколько больше, чем она просила. Может быть, он бы дал и еще больше, если бы в свою очередь не жил исключительно на библиотечарское жалование.

Как бы то ни было, столик в стиле рококо и стоящее рядом с ним "вольтеровское" кресло придавали комнате "дворцовый" вид.

Кроме этой мебели, у Кузьмы Федотыча имелся еще выкрашенный в белую краску, местами потрескавшийся стул больничного вида, а на столе стояла весьма странного вида бронзовая лампа с розовым /цвет оптимизма/ абажуром.

А кроме всего этого, под вешалкой стояла еще пара галош поношенного вида.

Немудрено, что Зое, привыкшей к жизни на 18 метрах с папой, мамой и братишкой, 11-метровые апартаменты Кузьмы Федотыча показались прямо-таки раем.

Родители Зои не были чуждого социального происхождения. Хотя в то же время не были и чисто пролетарского. Это вносило какую-то двусмысленность в их положение. Отец Зои фельдшер из шлиссельбургских мещан, мать стала медсестрой /до революции она вообще нигде не работала/ и была по происхождению тоже из тех же шлиссельбургских мещан. Оба считали себя представителями "трудовой интеллигенции", кое-что читали, ходили в кино, а иногда и в театр. Как бы то ни было, и отец Зои Владимир Петрович и мать ее Надежда Николаевна были действительно куда интеллигентнее, чем их начальство, окончившее рабфаки и получившее врачебные дипломы.

Узнав, что жених Зои внук известного писателя Кузьмы Пруткина и сам носит это славное имя, родители Зои не только не испугались его чуждого социального происхождения, но и были некоторым образом даже польщены таким намечающимся родством.

6

Женившись на Зое, Кузьма Федотыч, как говорится, стал жить, поживать и добро наживать. Женитьба оказалась очень удачной. Оба супруга любили друг друга. Зоя, как уже говорилось

выше, была молода и красива, а Кузьма Федотыч — тоже недурен собой, несмотря на пережитое и нажитые во время пребывания в СЛОНе болезни. Кузьма Федотыч был к тому же очень добр и неприхотлив. Неудивительно поэтому, что Зоя действительно любила Кузеньку, а 11 метров были только приятным дополнением к семейному счастью.

Через год с небольшим у счастливых супругов родился первенец, названный в честь отца и прадеда тоже Кузьмой.

Но в своем увлечении семейным домашним счастьем супруги забыли о колесе истории, а колесо это между тем катилось, катилось и докатилось до 1937 года.

Однажды в ненастную осеннюю ночь, когда на улице выл ветер, а в окна барабанил холодный дождь, в коммунальной квартире, где проживал Кузьма Федотыч, раздался резкий звонок. Странно, но этот резкий звонок, казалось, никого не разбудил и не произвел на жильцов никакого впечатления. В коридор никто не выходил, в комнатах свет не зажигался и даже голоса в них не слышалось. Тогда звонок повторился еще более резкий и еще более требовательный.

В комнатах послышался робкий, приглушенный шепот. Приоткрылись две-три двери, из них глянули два-три белых как снег лица с трясущимися губами, и двери снова прикрылись. Звонок раздался еще громче, еще раздражительнее, еще требовательнее, он звонил уже не переставая, а в дверь начали ломиться с явным намерением высадить ее, если звонок не поможет.

Наконец коридор стал наполняться жильцами. Это были исключительно мужчины, по преимуществу в кальсонах и нижних рубашках, только у двух-трех поверх белья были накинута пальто,

которые тем не менее не спасали их от непрерывной дрожи. Что же касается женской половины населения, то оно, несмотря на столь присутствующее ему любопытство, не показалось. Только в комнатах раздавались всхлипывания, вздохи и легкий истерический плач, в тех же комнатах, откуда эти звуки не раздавались, обитательницы лежали, как потом выяснилось, в обморочном состоянии.

- Вы-вы-вы-ла-ла-муют, об-об-об-об-зат-затель-но, вы-вы-ла-ла-ла, - пытался говорить Петр Иваныч, довольно ответственный работник какого-то важного учреждения.

- Так вот... вы и откройте, раз выломают - тихо ответил ему бледный Михаил Иваныч, рабочий.

- Па-па-па-че-че...я? - только и мог пролепетать Петр Иваныч.

- А потому что вы партийный и ответственный... вам и отвечать, - злобно ответил ему Михаил Иваныч.

- Так, так, ве-ве-ведь-ведь-ве-ведь Исссааай Ма-ма-ма-ркыч ста-ста-ше ме-ме-ме и в пе-пе-пе-ача-ти ра-ра-ра во-во и-и- и-пусь...

- Па-па-зволь-те, пазвольте, - пытаюсь изо всех сил говорить спокойно, отвечивал Исай Маркович журналист, в то время как язык никак не хотел ему повиноваться, а ноги все время выделывали какие-то замысловатые фигуры, отчего Исай Маркович то наклонялся влево, то вправо, то приседал вниз, отчего со сторон можно было подумать, что он занимается физзарядкой, - во-вот в-в-в вашем учреждении не-не-давно вскры-ы-ыли пра-аво-зи-зи-новьевскую группу, в пе-чати как раз мы освещали...

- Вы-вы не-годяй и старый троцкист! - взвизгнул фальцетом Петр Иваныч.

Исай Маркович сделал глубокое приседание мягко опустился на пол. Как раз в это время дверь с шумом и треском упала на пол. В коридор ворвались люди с револьверами в руках, некоторые были в форме, другие в штатском.

- Почему не открывали дверь?! - грозно крикнул приземистый мужчина в шинели без петлиц, в фуражке без звезды и весьма зверского вида.

Все молчали.

- Все по местам! расходись! - скомандовал мужчина. Однако никто не двигался, не говорил и все зачарованно, как кролики на удава, смотрели на грозного мужчину в шинели без петлиц. Исай же Маркович продолжал сидеть на полу. Коридор между тем наполнился вошедшими людьми, в дверях виднелась дворничиха в белом переднике.

- Где он? - спросил обернувшись назад мужчина.

Вперед протиснулся бледный управдом.

- Вот этот, - произнес он указывая на Кузьму Федотыча, а вот его комната, - и он показал комнату Кузьмы Федотыча.

- Так, понятно, - строго произнес мужчина без петлиц. - Вы гражданин Прутков? - повернулся он к Кузьме Федотычу.

- Да, я, - отвечивал бледный Кузьма Федотыч.

Мужчина в шинели без петлиц привычно и тщательно обыскал Кузьму Федотыча.

- А ну, расходишь! - так свирепо и грозно закричал мужчина, что все сразу бросились к своим дверям. Исай же Маркович очень быстро, почти по-пластунски пополз и скрылся в щели своей двери, мелькнув напоследок белыми кальсонами и голыми пятками /тапочки остались в коридоре/.

- А вы тоже проходите в свою комнату, - стальным голосом сказал грозный мужчина Кузьме Федотычу и у того упало сердце. Он понял, что его семейное счастье кончилось.

7

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. После 6-месячного пребывания в "Большом доме" /помещение Ленинградского НКВД, в конце Литейного проспекта. Большим дом этот называется, во-первых, потому что он занимает целый квартал, во-вторых, он настолько большой, что из него "тот свет" увидеть можно/ Кузьма Федотыч, как особо опасный и особо важный государственный преступник, был отправлен в Москву, на Лубянку.

Первые две недели Кузьму Федотыча не допрашивали. Его только били. Вызывали каждый вечер после ужина и били. Били долго. Часа 3-4. Били деловито и с расчетом в "поддыхало", в живот, в бока. Били кулаками, палками и сапогами лежащего. Ничего не спрашивали, а только били. Так продолжалось две недели.

На 15-й день его не вызывали после ужина и он просидел весь вечер в камере. Камера была одиночная - три шага вдоль и полтора поперек. Свет круглые сутки электрический. Маленькое окошко заделано "намордником", то есть закрыто железным щитом. Поэтому дневного света нет. Виден только крохотный кусочек неба. Подъем в 6, отбой в 10, но в 8

вызывали на "обработку" и держали до 11-12. Днем спать нельзя. Днем нельзя лежать, нельзя даже сидеть на койке. Днем койка пристегивалась к стене. Для сидения был придельанный к полу табурет без спинки. Но и на нем, если задремлешь - будили.

Вызывали шепотом. Открывалась "кормушка" и шепотом:

- На пе...

Кузьма Федотыч, хотя и был один, подходил:

- Прутков.

- Имя отчество /все так же шепотом/.

- Кузьма Федотыч.

- Год рождения?

- 1900.

- Статья?

- 58.

- Пункты?

- 1А /измена Родине для гражданских лиц/, 6 /шпионаж/, 8 /террор/, 10 /агитация и пропаганда/, 11 /организация/.

У Кузьмы Федотыча было пять пунктов...

- На допрос приготовиться.

И Кузьма Федотыч "готовился". Так "готовился" он каждый день в течение двух недель. На пятнадцатый день вызов на "допрос" почему-то не последовал. На 15-й день - "выходной".

Зато на 16-й вечер повторилось все как прежде: так же открылась "кормушка" и так же шепотом: "на пе", все те же вопросы дальше и те же ответы. Так же скрежетал замок и так же Кузьму Федотыча вели по бесчисленным коридорам. Так же останавливал его у поворотов конвоир, так же ставил он Кузьму Федотыча лицом к стене /Кузьма Федотыч каждый раз ожидал в это время выстрела в затылок/, так же щелкал конвоир пальцем и так же вел его дальше. Только на этот раз комната, куда привели Кузьму Федотыча, была другая. Больше. Чище. Светлее. За большим столом сидел человек в военной форме без петлиц и с желтыми глазами. Глаза были желтые, и в них было написано: "Я негодяй. Последний негодяй. Способен на все".

- Садитесь, - сказал человек с желтыми глазами.

Кузьма Федотыч сел на табурет, стоящий немного в стороне от дверей. Таким образом разговор велся через комнату, так как стол с сидящим за ним человеком с желтыми глазами находился на противоположном от дверей конце. Человек с желтыми глазами, видимо, боялся, чтобы Кузьма Федотыч не набросился на него и не обидел бы, пожалуй.

- Ну как вы себя чувствуете? - спросил, усмехаясь, человек с желтыми глазами.

- Плохо, - просто ответил Кузьма Федотыч.

- Советские люди чувствуют себя хорошо, а антисоветчики плохо, - назидательным тоном произнес человек с желтыми глазами.

Дверь открылась и в нее вошел высокий военный с тремя "шпалами" в петлицах.

- Встать! - злобно произнес желтоглазый.

Кузьма Федотыч был уже приучен, поэтому он сразу же вскочил.

Вошедший с любопытством и презрением смотрел на Кузьму Федотыча.

- Это и есть... тот самый Прутков? - холодно спросил он.

- Да, он самый, - усмехнулся желтоглазый.

У человека со шпалами было холодное, узкое лицо и серые колючие стальные глаза. Человек прошел к столу, сел рядом с желтоглазым и принялся спокойно рассматривать Кузьму Федотыча, как опытный, уверенный в себе и своих знаниях покупатель осматривает покупаемый товар.

Дверь снова раскрылась и вошел еще один. Этот был с двумя "шпалами" низенький с тупым, почти придурковатым лицом человек, с маленькими глуповатыми глазками и с толстыми губами, на которых играла добродушная улыбка. Волосы у него были какого-то неопределенного не то медно-рыжего, не то соломенного цвета.

Человек этот так же с любопытством осматривал Пруткова и так же прошел и сел за стол рядом с двумя другими.

- Советская власть вот этому не нравится, - кивнул на Кузьму Федотыча желтоглазый.

- Почему ж так? - добродушно спросил толстогубый.

- Дворянин... поместья говорит отобрали... - усмехнулся желтоглазый.

- Он в Центре представитель от монархистов? - холодно и деловито спросил высокий с тремя "шпалами".

- От монархистов, - притворно вздохнул желтоглазый.
- Да-а враг, - задумчиво протянул толстогубый.
- Бражина, - согласился желтоглазый.
- Б...дь, - снова сказал толстогубый.
- Оберб...дь, - поправил его желтоглазый.
- Виновным себя не признает? - снова спросил высокий.
- Виляет, хи-хи, темнит... - захихикал желтоглазый.
- А вы что же смотрите? - металлическим голосом обратился к нему высокий и от этого металла у Кузьмы Федотыча стало холодно на сердце. "Пропал, совсем пропал, - подумал он, - это значит уже все. Конец". - Вы ему объясняли, что к чему, - продолжал между тем высокий, продолжая холодно, как вещь, рассматривать Кузьму Федотыча.
- Объясняли... - вздохнул желтоглазый.
- Плохо значит объясняли, надо так объяснить, чтобы было понятно.
- Да Степанов ему и так уже две недели "объяснял"... - прыснул желтоглазый.
- Степанов - мужик здоровый, гы-гы-гы, - загоготал толстогубый.
- Мало, значит, ему Степанов объяснял, - все так же холодно, не улыбаясь, ответил высокий, - может быть еще на две недели повторит? И может быть не Степанова, а Давилова пригласить? Может быть в "пробку" его?

- Да нет, зачем, - придав голосу снисходительность, заговорил желтоглазый, - он теперь у нас будет давать показания... теперь он все понял... что к чему... Ведь правда, - обратился он к Кузьме Федотычу, - вы теперь все поняли?

- Да, понял...

- Ну вот, видите, я же говорил! - довольно захохотал желтоглазый.

- Я и то думаю, он мужик неплохой, с ним можно чай пить, - заулыбался толстогубый.

- Ну это мы еще проверим! - не сдавался высокий. - Вы, известно, человек мягкий, гражданин Прутков! - обратился он к Кузьме Федотычу, - признаете вы себя виновным?

- В чем? - робко отозвался Прутков.

- В антисоветской деятельности. В шпионаже. В измене родине. В терроре, - жестко отчеканил высокий.

- Я... то есть... не знаю... - растерянно забормотал Кузьма Федотыч.

- Что-о? Что такое? - переспросил высокий таким стальным, таким непреклонным голосом, что каждое слово шипом впивалось в Кузьму Федотыча, причиняя ему острую боль.

"Значит уж совсем пропал. Это все. Выхода нет. Умереть здесь. Расстреляют", - пронеслось у него в голове и комок подступил к горлу...

- Да вы не волнуйтесь, вы только поймите, - деланно мягким голосом включился в беседу желтоглазый, - вы поймите, что выхода у вас

нет. Никакого нет выхода. Единственно, чем вы можете смягчить свою участь, это полным и чистосердечным признанием. Кроме того, вы не жалеете свою семью...

- Зоя! Как она?! Где?! - встрепенулся Кузьма Федотыч.

- А бл...ет вовсю! - захохотал толстогубый, - что ей еще делать, гы-гы!

Желтоглазый тоже захихикал и глазки его, сдвинувшись узкими, стали совсем желтыми.

- Бабы они известно... хи-хи, они без ... не могут, теперь ее, наверное, не такой молодец обрабатывает, хи-хи-хи, она баба видная...

Кузьма Федотыч побледнел и молчал. Только губы у него тряслись.

- Да что вы расстраиваетесь, - опять заговорил желтоглазый, - признайтесь во всем, может и выпустят...

- Ну нет, теперь уже не выпустят, - отчеканил высокий, - прокурор даром санкцию на арест не дает!

- Ну не выпустят, так много не дадут, - согласился желтоглазый.

- Мужик ты еще молодой, лет десять поработаешь и ладно... - как-то совсем по-домашнему сказал толстогубый.

- Но это зависит от вас. Только от вас, - жестко прервал его высокий, - если во всем признаетесь, то... - здесь он впервые замаялся, - то всякое бывает... может быть и раньше даже, чем десять, но если нет... если нет, - и голос его зазвенел булатной сталью, - если нет, то пеняйте на себя! Вас не толь-

ко расстреляют, вы понимаете, - и он впился глазами в Кузьму Федотыча.

- Понимаю, - едва прошептал тот.

8

После того, как Кузьма Федотыч согласился давать "показания" /он уже по опыту знал, что ему действительно ничего уже не поможет, а отказ вызовет только новые истязания, еще более страшные, чем те, что были, и что единственный в его положении шанс остаться в своих глазах более или менее честным человеком, это не оговаривать по возможности других, ведь Кузьма Федотыч был совсем не герой и вовсе не оговаривать он не мог, он просто не выдержал бы и он знал это. Поэтому можно было только по "возможности"/ его вызвали к "самому" начальнику следственного отдела.

В большой комнате, куда ввели Кузьму Федотыча, был большой стол, а за столом сидел... товарищ Федор Иванович Стойков, старый знакомый и "наследник" Кузьмы Федотыча и всей его семьи.

Товарищ Стойков довольно значительно изменился: стал полнее, глаже, самодовольнее, даже как-то добродушнее. На петлицах его краснел ромб.

Увидев входящего Пруткова, товарищ Стойков заулыбался и приподнялся даже с кресла.

- Ба-ба-ба, кого я вижу! Старый знакомый!

Кузьма Федотыч робко опустился на табурет у двери.

- Да чего уж там! - замахал руками товарищ Стойков, указывая на кресло напротив своего

стола, дескать, какие там могут быть формальности между старыми знакомыми, я-то вас хорошо знаю и полностью вам доверяю.

Кузьма Федотыч просеменил к креслу.

- Ну, вот и хорошо, что вы все поняли, - ласково сказал ему товарищ Стойков.

- Да я еще ничего не понял, - тихо начал было Кузьма Федотыч.

Но товарищ Стойков прервал его:

- Не поняли, так поймете, - весело заговорил он, - я вам все объясню... Главное это ваше принципиальное согласие помочь нам...

- Я, конечно, готов... - сказал Кузьма Федотыч, потому что больше сказать ему было нечего.

- Ну, вот и отлично! Значит можно приступать к делу, - все так же весело ответил товарищ Стойков. Он достал из стола толстую папку и протянул ее Кузьме Федотычу, - вот, Кузьма Федотыч, - он даже по имени отчеству назвал его, - ознакомьтесь, пожалуйста, с этим документом.

И Кузьма Федотыч стал читать "документ". Чем дальше он читал "документ", тем дальше отходила от него реальность. Он не знал уже, сидит ли он в кабинете начальника следствия товарища Стойкова, или ему это все снится, или вообще он сошел с ума и все это бред больного мозга, а может быть творится какое колдовство, наваждение, какая-то страшная диаволиада.

В "документе" было сказано, что, наряду с "Троцкистско-Зиновьевским центром" и "Право-Троцкистским центром", процессы, которые были уже проведены, существовал только сей-

час вскрытый "Монархо-Троцкисткий центр". Это уж был, пожалуй, самый страшный "центр". Политическая цель центра заключалась в реставрации монархии, капитализма, восстановления помещичьего землевладения. На пост главы правительства намечался Лев Давидович Троцкий, остальные министерские посты делили очень видные, но исчезнувшие к этому времени деятели ВКП/б/ и советского государства и находящиеся в эмиграции белогвардейские генералы. Кроме этого, в "центр" входили представители от "правых коммунистов", от "национал-уклонистов", от зиновьевцев, от меньшевиков, эсеров и наконец анархистов.

Центр этот, существуя наряду со вскрытыми и уничтоженными "право-троцкистским" и "троцкистско-зиновьевским, координировал и направлял их работу. Кроме того, он находился в тесной связи с разоблаченной "военной группой" Тухачевского. Само собой разумеется, что все члены "центра" были немецкие и японские шпионы /тогда в моде были немецкие и японские шпионы в противоположность 20-м годам, когда в моде были англо-французские, а особенно польские шпионы/, впрочем, среди участников "центра" были и польские, и английские шпионы, правда, в меньшем гораздо количестве, чем немецко-японские. Не было только французских шпионов, ввиду намечающегося советско-французского сближения.

Из "документа" Кузьма Федотыч узнал, что он лично, входя в центр, представлял в нем монархистов, что в начале тридцатого года он нелегально переходил границу, был в Берлине и встречался там с "небезызвестным Марковым, вторым бывшим вождем черносотенцев, от которого и получил задание войти в контакт с троцкистами...".

Кроме этого, Кузьма Федотыч узнал, что еще с 1918 года он был завербован английской и

польской разведками /одновременно/, и участвовал в заговоре на жизнь Ленина, примыкая тогда /по заданию двух вышеозначенных разведок/ к партии "левых эсеров". Кроме того, уже тогда он встречался с Бухариным, получив от него как видного руководителя заговора ряд конкретных указаний и заданий.

В 1936 году Кузьма Федотыч был завербован немецко-фашистской разведкой... Буквы сливались. Мозг отказывался подчиняться воле и сама воля куда-то исчезла... В глазах был туман.

- Да вы читайте, читайте, - услышал он ободряющий голос товарища Стойкова.

- Так как же... ведь... вот... я не пойму никак... - заговорил Кузьма Федотыч.

- Ничего, ничего, - ободряюще отвечивал ему товарищ Стойков, он был в этот день в отличном настроении, - это право ничего! Вы читайте, читайте! И не пугайтесь! Все это пустяки! Я вам говорю, что пустяки!

- Так ведь это ж... расстрел, - едва выговорил Кузьма Федотыч.

- Да какой там расстрел... Экий вы право чу-дак! Вы главное читайте! Потом поговорим.

Но чем дальше читал Кузьма Федотыч, тем страшнее ему становилось, тем чаще замирало его сердце.

... Войдя в контакт с бывшим наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой, он участвовал в отравлении всемирно-известного и прославленного писателя, того самого, который вызволил его из СЛОНа. Он участвовал в отравлении Куйбышева и Орджоникидзе, он участвовал в отравлении всех умерших к этому времени вид-

ных деятелей партии и государства, он участвовал в попытке покушения на... страшно было даже подумать... даже на минуту, даже на секунду подумать... на самого, самого... фамилию Кузьма Федотыч прочитать не мог... Кровавый туман застлал его глаза... Все было кроваво... тоько не "мальчики кровавые" были в глазах, а пожилой муж с весьма низким лбом и усами...

- Вы, может быть, воды выпейте, - услышал Кузьма Федотыч участливый голос товарища Стойкова и очнулся.

Товарищ Стойков протягивал ему стакан через стол.

- Спасибо, спасибо, - с благодарностью отвечал Кузьма Федотыч, залпом выпивая стакан холодной и, как ему показалось, необычайно вкусной воды.

- Еще? - все так же участливо спросил товарищ Стойков.

- Пожалуйста, еще, если можно, - и Кузьма Федотыч жалобно улыбнулся.

Товарищ Стойков налил еще.

- Ну как теперь, успокоились, легче?

- Да какой же там легче... ведь это, ведь это... - Кузьма Федотыч не знал, как назвать "это". Ежели к примеру прямо сказать, что все это немислимая ложь и фантастика, то товарищ Стойков чего доброго обидится, а обидевшись, рассердится, а рассердившись, отошлет его к желтоглазому, а тот в свою очередь к "Степанову", а может быть и еще кому похуже, о ком намекал узколиций, и начнется все сначала, а то и ужаснее, обязательно ужаснее... А о том, что было, Кузьме Федоты-

чу вспоминать было страшно... Последний раз его не только избивали, но и за пальцы подвесили... Нет, уж видно все равно, только не мучили бы уж больше... Ведь Кузьма Федотыч был не новичок, он знал, что теперь /то есть когда попался в лапы чека/ уже "все равно", с момента, как тебя взяли и за тобой захлопнулись двери твоего дома, - становится "все равно", иными словами домой возврата уже нет и надежды нет. Уходишь или на много, много лет, или навсегда... Поэтому Кузьма Федотыч и не знал, как назвать "это" - прямо "ложью", как бы не обиделся товарищ Стойков со всеми вытекающими из его "обиды" последствиями, сказать же, что "несколько преувеличено" тоже нельзя, во-первых потому, что товарищ Стойков опять-таки обидится, во-вторых и преувеличивать было нечего - все от начала до конца было неправдой...

Товарищ Стойков был тонкий психолог. Товарищ Стойков, как мы уже говорили, видел человека насквозь и от его взгляда скрыться было невозможно. Поэтому товарищ Стойков понял состояние смятенной души Кузьмы Федотыча и пришел ему на помощь.

- Вы это... насчет документа беспокоитесь? - вежливо спросил он Кузьму Федотыча.

- Д-да насчет документа, - обрадовался Кузьма Федотыч, вспомнив слово "документ", вот именно насчет "документа".

- Так вы не беспокоитесь, я же сказал вам, что не беспокоитесь! Понимаете это нужно. Нужно для высшей политики. Нужно для блага нашего советского государства. Ведь вы считаете себя советским человеком, Кузьма Федотыч?

- Да, да! Конечно! Конечно считаю! Я советский, я стал совсем советский... я даже до-

казать могу, - с готовностью и немного обрадованно переменной тона и тем, что его называли "советским человеком", заговорил Кузьма Федотыч.

Товарищ Стойков слегка улыбнулся.

- Ну вот видите... значит мы в вас не ошиблись... А раз вы считаете себя советским человеком, то вы и должны помочь нашей советской власти, не правда ли? - мягко и в то же время требовательно спросил товарищ Стойков.

- Да, да конечно, - отвечивал Кузьма Федотыч, у которого от этого голоса и слышавшегося чего-то за ним, за этим голосом, чего-то "страшного", стало, с одной стороны, как-то спокойнее, а с другой - руки и ноги похолодели.

- Ну так вот, Кузьма Федотыч, - продолжал между тем доверительным голосом товарищ Стойков, - вы знаете, что наша страна находится в капиталистическом окружении, что империалистические разведки плетут заговоры, засылают к нам шпионов, диверсантов, убийц, что классовая борьба внутри страны обостряется, что представители разбитых классов не слагают оружие, напротив, они идут на все, чтобы вернуть свое. Оживляется деятельность их агентуры и внутри партии... всякого троцкистско-бухаринского охвостья... надеюсь, вы читали отчеты о последних процессах?

Кузьма Федотыч кивнул головой.

- Ну вот видите... - продолжал товарищ Стойков, - все, что было вскрыто на этих процессах, конечно, правда, чудовищная правда... однако кое-что все же ушло от нас... то есть не то чтоб ушло, - поправился товарищ Стойков, - от нас ничего не уходит... ничто. И

ничего. Тут эн-ка-ве-де, понимаете эн-ка-ве-де, - повторил он, - и от эн-ка-ве-де ничего не уходит. И никто. - Все это лирическое отступление об НКВД, от которого ничто и никто не уходит, было сказано таким металлическим голосом, что холод у Кузьмы от рук и ног подступил к самому сердцу. Голос товарища Стойкова между тем снова смягчился. - От нас ничего не уходит, но... но некоторые весьма важные данные нам известны только из агентурных данных. Нам же нужно открытое, публичное разоблачение преступной деятельности врагов советского государства... Наши процессы должны иметь политическое, понимаете, по-ли-ти-че-ское значение. И воспитательное вместе с тем. Они должны разоблачать коварные методы работы иностранных разведок и воспитывать народ в состоянии постоянной бдительности. Вы понимаете?

- Понимаю, - кивнул Кузьма Федотыч, так и не уловив пока, куда же клонит товарищ Стойков.

- Так вот. Процессы должны разоблачать коварные методы работы иностранных разведок и их агентуры, воспитывать народ в состоянии постоянной боевой готовности и бдительности и должны политически дискредитировать и разоблачить всех врагов советского государства. Понятно? /Кузьма Федотыч снова кивнул./ Все, что содержится в документе, который вы читаете, абсолютная правда... Все это, к сожалению, факты... но... эмиссар Маркова, арестованный нами, который дал показания, повесился в тюрьме. Проглядели. Поэтому он не может участвовать в процессе, за него участвовать будете вы...

- Я?! - даже подскочил на стуле Кузьма Федотыч.

- Не перебивайте! Слушайте! - строго, очень строго осадил его товарищ Стойков. - Участ-

воватъ будете вы! Кое-кто из подсудимых также будет такой участник... это нужно для политическаго разоблаченія происков врагов народа... для политическаго разоблаченія враждебной нам идеологии. Вы ведь дворянин в прошлом, в прошлом савинковец, вот вы и должны этим искупить свою вину, другие же должны искупить вину тем, что в прошлом были троцкисты, наносили ущерб партийному единству, тепрь они тоже должны искупить свою вину, искупить ее политическим разоблачением троцкизма...

- Значит, все на этом процессе должны искупить свою прежнюю вину? - дрожащим голосом спросил Кузьма Федотыч.

- Не все, а некоторые, - строго поправил его товарищ Стойков, - большинство действительно лично все это делало.

/Заметим, кстати, что товарищ Стойков обманывал Кузьму Федотыча, все участники на предстоящем процессе должны были "искупить свою моральную вину", никто ни в чем не участвовал. "Но так было нужно, - говорит партия и правительство тепрь - в 1937 время было такое", а раз партия и правительство так говорят, то стало быть и действительно нужно./

- Но... ведь меня расстреляют, - робко и безнадежно сказал Кузьма Федотыч. Ему было действительно уже все равно: либо расстреляют, либо будут мучить и все равно расстреляют. Даже пусть "просто" расстреляют без мучений, так лучше и скорей.

- Да нет... никто вас не расстреляет... если вы... если вы будете послушны и поможете нам, это от вас только зависит.

- Как же так? - не поверил своим ушам Кузьма Федотыч.

- А так. Вы расскажете все как было. Вы можете этим нам, можете советскому государству, советской власти. А вас никто не расстреляет. Вас приговорят может быть к расстрелу, но не расстреляют...

- Как же так не расстреляют? Помилуют? - и надежда загорелась в голосе Кузьмы Федотыча.

- Нет, не помилуют... Мы вас просто выпустим... и вы будете жить под чужой фамилией... и никто знать не будет... конечно, от вас потребуется специальная расписка.

/Товарищ Стойков, конечно, снова обманывал Кузьму Федотыча, ему готовился расстрел без всяких "расписок". Оставлять свидетелей в живых было отнюдь не в правилах НКВД и советской власти вообще, самих чекистов "убирали" после того, как они выполняли то, что нужно было "выполнить", однако каждый из них надеялся, что с ним-то это не случится, надеялся и товарищ Стойков./

У Кузьмы Федотыча на сердце потеплело. "Так значит жить?! Неужели жить!!! Жить, жить, жить! - пело все в нем. Увидеть снова Зою, Кузю, спать без электрического света, на мягкой кровати, с Зоей вместе! Боже мой, Боже мой! Пело все в нем - после смерти снова жизнь... и все это за согласие выполнить роль какого-то марковского эмиссара.

/Никакого эмиссара Маркова в природе не существовало, конечно, все это была чистая выдумка, как и все остальное, однако Кузьма Федотыч не только не знал этого, но и не очень-то хотел знать, он хватался за протянутую ему соломинку спасения./

- Я согласен... согласен дать расписку, - задыхаясь от сдерживаемой радости, ответил Кузьма Федотыч.

- Ну вот и отлично, - усмехнулся товарищ Стойков, - я так и знал, что мы с вами договоримся, что вы человек разумный, - похвалил он Кузьму Федотыча, - читайте документ, а потом мы с вами обо всем поговорим и все уточним.

И Кузьма Федотыч читал.

Из дальнейшего чтения документа он узнал, что и его кузина Аглая "участвовала" в "работе центра" в качестве "связной" между сибирскими троцкистами и московскими монархистами. Никого другого из участников "центра" Кузьма Федотыч не знал, он только знал их имена по газетам, как наркомов, членов ЦК ВКП/б/ и других очень известных деятелей советской власти. Другие "монархисты" были какие-то весьма престарелые царские генералы и два-три глубоких старца, носивших до революции графские и даже княжеские титулы. Зато о себе Кузьма Федотыч узнал страшные вещи. Помимо вышеизложенного уже, он был руководителем сети германской разведки в центре России и главный резидент японской разведки в Ленинграде. Он готовил взрыв Ленинградского порта, он организовал крушение поезда между Москвой и Ленинградом /правда, совместно с какими-то "троцкистами-железнодорожниками"/ в результате которого было много человеческих жертв /крушение это действительно было, но "троцкисты-железнодорожники", не говоря уже о Кузьме Федотыче, имели к этому такое же отношение, как организаторы предстоящего процесса имели отношение к погоде в Африке. Он, помимо Маркова второго, встречался с Троцким в Осло, вылетев туда во время своего очередного нелегального пребывания в Берлине на специальном немецком самолете. Он же встречался и с претендентом на Российский престол...

- Ну как? - самодовольно спросил его товарищ Стойков /товарищ Стойков был главным руководителем предстоящего процесса и отчасти сам составлял документ, отчасти его редактировал/.

- Д-а-а, - только и мог сказать Кузьма Федотыч.

- Вот то-то... От вас требуется - товарищ Стойков перешел на деловой тон, - хорошо запомнить документ, особенно в части, касающейся вас... Вы выступите в суде и расскажете все... предварительно вас проверят... вы должны ни в коем случае не сбиться, вы, как артист в театре, - насмешливо деловым тоном говорил товарищ Стойков, - и, заметьте, хороший артист! Вы должны твердо знать свою роль. Процесс будет публичный... в Доме Советов, - торжественно закончил товарищ Стойков.

- Но ведь я... многого не знаю... могу сбиться...

- Ничего. Не боги горшки обжигают, - покровительственно отметил товарищ Стойков, - не собьетесь... Вас хорошо подготовят, отрепетируют... Разумеется, вам будут созданы условия... вы будете переведены на комсоставский паек... Вы должны выглядеть на суде молодцом! - И товарищ Стойков громко и торжествующе-самодовольно захохотал.

9

Наверно, так бы все и было. Кузьма Федотыч вы зубрил бы свою роль. Процесс был бы проведен и... Кузьма Федотыч навсегда исчез бы с горизонтов отечественной словесности. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Произошло совершенно непредвиденное и неожиданное. Прославленный руководитель НКВД, о

котором складывались песни и "народные поговорки", в честь которого был переименован город, "стальной и нестигаемый нарком", любимец "самого вождя народов", вдруг был снят со своего всемогущего поста и переведен на пост совсем даже не всемогущий. Официально было правда объявлено, что сделан этот перевод в результате сильно пошатнувшегося здоровья, оттого что его предшественник на посту главного руководителя НКВД оказался врагом народа и как таковой пытался отравить "железного и нестигаемого". Отравить не отравил, а здоровью де его повредил.

Как бы то ни было, но наряду с изменением руководства была несколько изменена и политика. Вернее наоборот, изменение "руководства" было результатом некоторого изменения внутриполитической тактики. Назревала вторая мировая война. В этой обстановке было решено, что продолжать проводить гласные политические процессы вряд ли политически целесообразно. Такие процессы могли слишком дезорганизовать тыл и вызвать неуверенность в армии и во всех "честных советских гражданах". Надо было, напротив, сделать вид, что процессы свою роль сыграли и честные советские граждане теперь могут быть спокойны: в тылу и в правительстве все изменники выкорчеваны и уничтожены, поэтому "честные советские граждане" могут спокойно и с чистой совестью умирать на фронте за "родного и любимого", не беспокоясь ни о чем.

Поэтому готовящийся процесс "Объединенного монархо-троцкистского центра" был отменен. Большинство предстоящих участников этого процесса из "крупных людей" были без излишнего шума расстреляны. Кое-кто из второстепенных получил 25 лет и также без шума в самом скором времени скончался в тюрьме, о Кузьме же Федотыче, как о человеке совсем ничтожном, второпях просто забыли. Не до него было! При-

ход нового руководителя НКВД ознаменовался и некоторой очередной внутренней "чисткой". Наиболее известные ставленники и подхалимы "железного и несгибаемого" были сняты, кое-кто был обвинен в "перегибах", кое-кто получил даже срок, а кое-кого сочли за нужное и в расход пустить... Так что было явно не до какого-то там жалкого библиотекаря Кузьмы Федотыча Пруткова. На счастье его, забыли даже, что он был в "курсе" предстоящего процесса. Почему-то считалось, что его к процессу "только готовили", в подробности же предстоящего процесса "еще не ввели". На самом деле Кузьма Федотыч больше месяца уже зубрил свою роль... Но каким-то неведомым образом, впопыхах да второпях, об этом забыли, а если бы вспомнили, не сносить бы Кузьме Федотычу "бесталанной головушки своей"...

Так прошел год. Кузьма Федотыч все сидел. И на допросы его перестали вызывать. Только почему-то, на счастье свое, продолжал он получать комсоставский паек и даже немного поправился. Прошел второй год. Кузьма Федотыч все продолжал сидеть, только с комсоставского пайка его сняли и он на баланде быстро стал худеть. Наконец, прошло еще полгода и наступила война. Лубянку решено было разгрузить. Тут и вспомнили о Кузьме Федотыче. Два с лишним года, дескать, сидит человек и зря хлеб жрет! Кое-кому "намылили" за это голову, кого-то перевели на низшую должность /как потом выяснилось, тюремного надзирателя в коридоре, где сидел в камере Кузьма Федотыч: его из теплого коридора перевели дежурить на вышку, где, как известно, зимой и осенью довольно холодно/.

Однажды в солнечный летний день Кузьму Федотыча вызвали к следователю. Это был уже не желтоглазый, а молоденький с тремя "кубарами" и с серыми разбойничьими лихими глазами, с наглой уверенной улыбочкой парень.

Парень "поздравил" Кузьму Федотыча с окончанием следствия и предложил ему подписать "семьдесят четвертую" /74 ст. УПК РСФСР говорила об условиях окончания следствия/. Еще через несколько дней /все шло теперь ускоренным темпом/ Кузьме Федотычу была вручена обвинилка /з/к называли ее более выразительным, но, увы, совершенно нецензурным словом/, из которой Кузьма Федотыч узнал, что ряд статей с него снят. Отпал шпионаж /6 пункт/, не было упоминания о диверсионной деятельности /хотя у Кузьмы Федотыча и не было раньше 9 пункта, но он неминуемо был бы добавлен, поскольку речь шла о взрыве Ленинградского порта и организации железнодорожного крушения/. Остались всего лишь 1А /измена родине для гражданских лиц, причем в подтверждение этой измены глухо говорилось о каких-то связях с германской разведкой, но какого рода были эти связи, особенно не уточнялось/, 8 /террор; правда, теперь говорилось уже не об организации террора и тем более не об осуществленных террористических актах, а об "террористических настроениях", о призыве к террору/; конечно, остался 10 пункт /агитация и пропаганда; такой антисоветчик как Кузьма Федотыч естественно просто не мог не заниматься антисоветской пропагандой, к тому же он был библиотекарем, то есть непосредственно сталкивался с народом/; остался и 11 пункт /антисоветская организация; подтверждением этому была переписка - значит связь! - с кузиной Аглаей, которая в это самое время находилась точно в таком же положении как и Кузьма Федотыч, только сидела она не на Лубянке, а в Бутырках/.

Напарник по камере /у Кузьмы Федотыча был теперь напарник, человек многоопытный, сидящий с 1920 г., его вот уже десятый раз привозили из лагеря на Лубянку, то в качестве свидетеля по какому-нибудь новому делу, то в качестве обвиняемого по какому-то новому

делу. Как он до сих пор избежал расстрела было без сомнения известно только самому Господу Богу, да ангелам, коих посылал Господь Бог для спасения этого человека, сохраняемого видно для каких-то целей. Тем не менее человек этот имел три смертных приговора, заменяемых каждый раз долгосрочным тюремно-лагерным заключением/, так вот напарник этот, внимательно прочитав "обвинилку" Кузьмы Федотыча, успокоил его:

- Теперь можешь не волноваться. Твое дело в шляпе. Высাকা не будет. Больше 20-ти лет не дадут.

Напарник как в воду смотрел. Кузьме Федотычу дали ровно 20 лет, засчитав при этом его содержание под стражей с момента ареста. Таким образом, отбывать Кузьме Федотычу осталось не так уж и много - 16 с чем-то лет. А ведь 16 с чем-то лет можно и выжить. Все же это не расстрел. Не точка в жизни.

10

И жизнь продолжалась. Как "отбывал" эти 16 с лишним лет Кузьма Федотыч много рассказывать не будем. Все дни этих лет были похожи один на другой, а какие они были эти дни рассказал Солженицын в своей замечательной книге "Один день Ивана Денисовича". Такие вот они и были эти каторжные дни. Каторжные в прямом и переносном смысле. Потому что "отбывал" срок Кузьма Федотыч в каторжном лагере.

Много видел лагерей Кузьма Федотыч, много этапов он прошел. Был и в Сибири. Был и на Воркуте. Был и на Кольме. И стал он закаленный, бывалый зэк. О свободе и думать перестал. О семье тоже. Знал только, что жена его Зоя отправлена в АЛЖИР. Не в тот Алжир, что в Африке находится, а в Актюбинский Лагерь Жен

Изменников Родины, сын же Кузя отдан в какой-то специальный детдом...

Однажды в шахте он увидел знакомую высокую фигуру. Присмотревшись внимательнее, он узнал в нем узколицега, того самого надменно-го, со стальным проникающим до сердца голосом, узколицега, перед голосом и взглядом которого он дрожал тогда на Лубянке.

Кузьма Федотыч не удивился. За 10 лет лагерной жизни он отучился чему-либо удивляться. Он вообще ничему не удивлялся больше...

- Вы меня узнаете? - спросил он высокого.

- Нет, - ответил тот, и голос его был хрип-лый и надтреснутый.

Кузьма Федотыч назвал себя.

Высокий тоже не удивился. Высокий был в лагерьях уже давно. Немного меньше чем Кузьма Федотыч.

- Вы за что? - спросил Кузьма Федотыч.

Высокий перечислил почти все пункты 58 статьи.

- И сколько?

- 25...

Кузьма Федотыч не злорадствовал, что человек, перед которым он трепетал и который сделал так много ему зла, находится тут же. Кузьма Федотыч, разумеется, и не пожалел его. Ему было как-то все равно...

- А желтоглазый где? - спросил он.

- Это какой?

- Ну тот самый, который у меня следователем был... помните?

- А-а, - высокий назвал его фамилию, - этого расстреляли...

Кузьма Федотыч не удивился и не обрадовался. Он бы обрадовался раньше, лет 10-12 тому назад. Теперь он разучился радоваться, так же как и удивляться.

- Ну, а Стойков?

Высокий чуть усмехнулся.

- Стойков в гору пошел. Он у нас чисткой и руководил... Меня сюда, С. расстреляли... он сумел войти в доверие к "новому"... Мы ежовцы, а он бериевец стал... У него теперь три ромба, - вздохнул высокий, - до него не дотянешься, - потом как-то жалко улыбнувшись, высокий сказал: - Вы только не говорите, пожалуйста, кто я... а то убьют еще... мне же все равно сдыхать скоро, я ведь чахоточный, "доходяга" почти... а что было - простите, - очень тихо, но отчетливо произнес он.

- Ладно, чего там... - ответил после минутного колебания Кузьма Федотыч и подумал, что раньше, даже пять лет назад, он никогда не простил бы высокого...

Неизвестно, как бы продолжался дальше их разговор, но как пелось тогда в лагерной песне "... бригадир бежит с толстой палкой, ну и жизнь наша..." Бригадир действительно прибежал. И у бригадира действительно была толстая палка. И орудовал он этой палкой, надо таки отдать ему должное, мастерски: высокий остался лежать с первого удара, Кузьма Федотыч увернулся и убежал, попробовав на своей спине только конец этой палки.

Но "все хорошо, что хорошо кончается", говорит народная мудрость, а Шекспир даже написал на эти золотые слова целую пьесу.

Вдруг, вопреки всякому здравому смыслу, над страной повеяло теплым ветром. "Родной и любимый" умер, а через два-три года совсем перестал быть "родным и любимым", "корифеем всех наук и полководцем всех времен". Лед стал вдруг неудержимо таять. Даже страшно сделалось. А вдруг, возьмет этот самый лед да и растает чего доброго, весь без остатка. Что тогда делать? Но страхи оказались преждевременными, это была не весна, это была всего лишь оттепель...

11

Но и оттепель после трескучего мороза вещь совсем даже не плохая, особенно когда солнышко пригревает. А солнышко пригревало...

В 1956 году Кузьму Федотыча Пруткова, вместе с миллионами таких же, как он, реабилитировали. Оказалось, что ничего не было. Ни первого пункта 58 ст. УК РСФСР /измена родине/, ни 8 пункта этой же самой статьи /террор/, ни 10 пункта /пропаганда и агитация/, ни 11 /антисоветская организация/. Оказывается, ничего этого не было... Не было измены. Не было террора. Не было агитации и пропаганды. Не было организации. Были только 19 лет, проведенных Кузьмой Федотычем в тюрьмах и лагерях. А, впрочем, и их не было: ведь Кузьма Федотыч был реабилитирован.

И снова был возвращен Кузьма Федотыч в свой родной город, и комнату дали /16 метров, поставив на очередь на получение отдельной квартиры из 1 комнаты/, и сына Кузю ему вернули, не вернули, правда Зою, она так и умерла в АЛЖИРе, не успев дожидаться реабилитации.

Кузьму. Федотыча даже на работу устроили и даже, принимая во внимание его так сказать "реабилитированные страдания", сделали его заведующим в той же самой библиотеке, в коей он был до ареста своего, 19 лет назад, рядовым библиотекарем. И библиотека сама расширилась, заняв новое, специально освобожденное для нее помещение. Теперь у Кузьмы Федотыча был целый штат сотрудников: три молоденьких библиотекарки. И снова, ввиду такого чуда, сходил к Николе Кузьма Федотыч и поставил свечку Угоднику.

Сын Кузьмы Федотыча работал на заводе слесарем и учился в вечерней школе. Хотя отец с сыном и очень давно не виделись /когда Кузьму Федотыча арестовали, Кузеньке было 2 года с небольшим/, тем не менее они очень быстро нашли общий язык. Не знаю, то ли это время было такое /оттепель и все молодое тянулось к солнышку/, то ли родственная связь сказалась /вернее, то и другое вместе/, но оба хорошо понимали друг друга.

Вскоре Кузя окончил школу и поступил в университет на филологический факультет. В выборе его, наверное, сказалась наследственная тяга Прутковых к литературе. Да и время наступало какое-то "литературное". Молодежь писала стихи, рассказы и не то чтобы посылать эти стихи или рассказы, скажем, в "Пионерскую" или "Комсомольскую" "правды", где бы взрослые дяди по достоинству оценили их, дали бы "руководящие указания", политически заострили бы, "направили"... Так нет! Молодежь эта предпочитала идти "самотеком" и не только не обращалась к опытным дядям за советом, а прямо-таки избегала всяких "опытных дядей и тетей".

Молодежь эта дошла до того, что решила писать стихи и рассказы не только без совета, но и без разрешения опытных дядей и тетей.

Взяли да и стали выпускать свой журнал. Рукописный, конечно, потому что типографии у нас, как известно, государственные, и там никто без соответствующего "направления" и "утверждения" ничего не напечатает, а на обыкновенную пишущую машинку у молодежи денег не было. Так вот и пришлось выпускать журнал от руки. Работы было, конечно, много, но журнал вышел на славу. Писали в нем все, что думали и что чувствовали.

Кроме издания журнала, молодежь любила еще поговорить. И не то чтобы "с девочками и с водочкой" или даже под руководством "опытных дядей или тетей" провести в организованном порядке утвержденное сверху "обсуждение" чего-нибудь или др. подобное "мероприятие", а совершенно "самостийное" и поэтому явно "политически не выдержанное". "Девочки" же, присутствующие на подобных встречах, участвовали в подобных жарких /но, увы, совершенно политически не выдержанных и никем не направляемых/ спорах так же, как и "мальчики". На тех же самых правах. "Водочки" же вообще не было.

Происходили подобные встречи и в комнате Кузьмы Федотыча. Кузьма Федотыч сам иногда принимал участие в этих беседах. Кое в чем соглашался с молодыми, кое в чем нет. Впрочем, сам он говорил редко и мало, он больше слушал. Слушать было интересно, а вмешиваться или "направлять" молодежь Кузьма Федотыч считал ненужным, "пусть, мол, сами поймут и сами разберутся, что к чему и почему, так-то для них вернее будет, крепче..."

О политике тоже говорили. И тоже по-разному. Конечно, то, что происходило вокруг в стране, никому не нравилось, да нравиться никак не могло, во всяком случае, честным людям. Один "культ" заменялся другим "культом", все так же глушили радио, все так же нельзя было

купить в киосках иностранных газет и изданий, все так же занудна и тупо-бездарна была казенная пропаганда, все так же были обязательны и "священные" "основы марксизма-ленинизма", все так же народ не имел никаких прав, все так же было обязательно издательское 100% голосование на выборах, все так же запрещалась свободная литература, в общем все было так же... Только режим стал мягче. Мягче, потому что слабее. Поэтому и сажали реже.

12

Так прошло два года. В спорах, в дискуссиях, в писании стихов и рассказов. Через два года грянул, казалось бы среди ясного неба, гром.

Сначала начался "разнос" в Москве. Самому высокому начальству и самому "хозяину" не понравилось, что на художественной выставке, наряду с идеологически выдержанными полотнами, были и "не совсем идеологически выдержанные" и даже "совсем не выдержанные". Были полотна, "никуда не зовущие и никуда не призывающие". Были даже полотна без всякого содержания, просто сочетания цветов и линий. Хотя таких полотен было на выставке очень мало, но они все же были. А раз были, то могли создать весьма опасный прецедент. А прецедент этот был опасен, потому что народ нужно было непрерывно звать и призывать, а главное направлять, а то чего доброго народ этот, без должного направления сверху, возьмет да и пойдет совсем в другую сторону... Кроме этого, искусство должно прославлять. Прославлять "достижения". А то, пожалуй, никто и не заметит этих достижений. Кроме "достижений", искусство должно показывать тех, кто организовал эти достижения, "маяков", а главное вождей, благодаря неустанной заботе

которых мы и существуем на свете. Положение усугублялось еще и тем, что беспредметное, абстрактное искусство было весьма распространено на Западе. Таким образом, вместе с увлечением "беспредметностью" в хранимый Марксом и Лениным Советский Союз могли чего-то доброго проникнуть тлетворное влияние разлагающегося Запада, отравленные бациллы капиталистической идеологии, духовная отравка империализма. Нужно было немедленно бить тревогу. И тревогу забили.

Вскоре выяснилось, что, наряду с Москвой, подобные "явления" наблюдались и в Ленинграде. На Художественной выставке появились картины, никуда не зовущие и никуда не ведущие, кроме того, выяснилось, что некоторые картины не только не вели, не направляли, а даже напротив, уводили... Уводили куда-то совершенно в сторону... Ленинградский "хозяин" был возмущен, "хозяин" был рассержен... Тем более что "хозяину" "намылили голову в Москве", и здорово "намылили".

Самое же страшное оказалось, что подобные "нездоровые явления" были не только открыты в живописи, "нездоровые явления" обнаружилось решительно везде: и в литературе, и в кино, и просто в жизни...

Особенно негодовали маститые мастера искусства и литературы. Маститые страдали лично. Маститых мастеров никто не хотел смотреть. Мало того, над маститыми смеялись...

В общем народ распустился... Народ надо было подтянуть. Народ принял оттепель за весну... И народ подтянули...

Абстракционистов запретили. "Самодельных поэтов и прозаиков", как неорганизованных и вообще не туда идущих и зовущих, объявили тунеядцами.

Как "тунеядец" был исключен из университета и направлен на жительство в Красноярский край и Кузенька, сын Кузьмы Федотыча. "Тунеядцами" были объявлены и все его друзья и подруги, и как таковые выселены в Красноярский край сроком на 5 лет.

Напрасно хлопотал Кузьма Федотыч, напрасно обивал он пороги разных многочисленных учреждений; ответ был везде один: правильно милиция поступила, тунеядцев и бездельников надо выселять из города. Напрасно Кузьма Федотыч доказывал, что сын его и товарищи его вовсе не были тунеядцами, если они в настоящее время и не работали на производстве, то все же учились в университете. Ответ на это был весьма краткий и логический: не тому учились, чему нужно.

Однако Кузенька после неустанных и непрерывных хлопот отца был все же помилован и возвращен в Ленинград, пробыв в Красноярском крае вместо положенных ему пяти лет, всего четыре года. Время все же было не то, это было время "великой либерализации" советского общества, как об этом объявили очень умные и многоопытные западные "советологи". А советологи были умные, хотя бы уже потому, что некоторые из них имели профессорские мантии и слыли за весьма либеральных и передовых людей. Кому же как не им было дано разбираться в том, что либерально, а что нет...

Вернувшись в родные пенаты, после четырехгодичных работ в тайге на лесоповалах, Кузенька устроился на работу по своей старой специальности слесаря. Это было бы, конечно, очень похвально, если бы одновременно со столь общественно полезной деятельностью Кузенька не принял за старое, то есть не поступил бы снова в университет, теперь уже, правда, на заочное отделение.

На беду, народ настолько распустился, что даже среди профессорско-преподавательского состава завелась крамола, и Кузеньку вместо того, чтобы и на пушечный выстрел не допускать к университету, приняли если и не с распростертыми объятиями, то как отличника /бывшего/, и имеющего к тому же превосходные отзывы от профессоров /подумать только, что в советском вузе нашлись такие несознательные товарищи! и где? - среди профессоров!/, все же приняли и даже /подумать только!/ особых препятствий не чинили.

И... началось все снова. Опять стали издавать рукописный журнал /теперь уже правда более осторожно, не так уж открыто и вызывающе, как раньше/, опять стала собираться молодежь и опять стала вести она разные недозволенные и неразрешенные разговоры. А к этому времени дошла очередь на однокомнатную квартиру у Кузьмы Федотыча, и Кузьма Федотыч квартиру эту получил.

В квартире же, как известно, отдельной собираться как-то удобнее, уютнее, если даже она и однокомнатная. Особенно, если хозяин этой квартиры гостеприимный и молодежь не ругает. А Кузьма Федотыч был как раз таким хозяином.

Среди друзей Кузеньки своим радикализмом и революционностью особенно выделялся один - Сергей. Сергей так же, как и Кузя, и одновременно с ним был выслан как тунеядец, так же был возвращен на год раньше. Так же, как и Кузенька он был студент. Так же стал заочником. Так же, как и Кузенька, Сережа писал стихи. Только стихи его носили более политически заостренный, даже, пожалуй, более воинствующий характер.

После возвращения Сергей "установил какие-то связи", призывал к активности и решительности в действиях, к тесному контакту с "нашими западными друзьями".

Сергей очень внимательно и с большим интересом слушал Кузьму Федотыча и еще более внимательно расспрашивал его.

Вскоре он предложил Кузьме Федотычу написать "манифест молодежи нашего времени". Когда же Кузьма Федотыч отказался написать означенный "манифест", вполне резонно заметив, что, во-первых, он, Кузьма Федотыч, к молодежи никак не относится, а скорее даже совсем напротив, во-вторых, он отроду никаких манифестов не писал и, в-третьих, наконец, вообще от всех и всяких манифестов весьма далеко находится.

Тогда Сергей вместо всякого "манифеста" попросил Кузьму Федотыча написать "меморандум", но и от написания "меморандума" Кузьма Федотыч так же решительно отказался. В конце концов Сергей стал умолять Кузьму Федотыча "написать хоть что-нибудь" в готовящийся рукописный альманах.

После долгих колебаний и упрашиваний, к которым присоединились и другие друзья Кузеньки и сам Кузенька, Кузьма Федотыч согласился написать несколько афоризмов в стиле своего деда. Написав их, Кузьма Федотыч и забыл о них.

13

Однажды в одно холодное зимнее утро, в однокомнатной отдельной квартире, в которой проживали Кузьма Федотыч Прутков - пенсионер /Кузьма Федотыч к этому времени успел выйти на пенсию/ и его сын Кузьма Кузьмич Прутков - слесарь одного из крупных ленинградских заводов и одновременно студент-заочник, раздался звонкий и протяжной звонок.

"Кого это черт несет в такую рань...", - подумал Кузьма Федотыч.

- Иди, Кузька, открой, - сказал он благодушствующему на раскладушке сыну /Кузенька работал в эту неделю в ночную смену/.

- А, черт, - выругался тот, однако делать нечего, встал и пошел открывать, очень уж требовательный и настойчивый был звонок.

Через минуту бледный Кузенька вернулся в комнату, а следом за ним вся квартира наполнилась мужчинами в штатском...

После тщательного обыска, продолжавшегося почти до вечера, отец и сын были отвезены в упомянутый уже нами выше "Большой дом" /тот самый, который в конце Литейного проспекта и который настолько большой, что с него не только весьма отдаленные места, но и тот свет увидеть вполне можно/.

А еще через пять дней /с опозданием на 2 дня, по закону нужно бы через три/ обоим был вручен ордер на арест по ст.ст. 70 /антисоветская агитация и пропаганда/ и 72 /организация/. Спустя два дня после вручения ордера на арест оба, как особо опасные государственные преступники, были отвезены в Москву.

Важным основанием для этого было то, что у Кузеньки в Москве были два товарища, с которыми он изредка переписывался, и у которых он даже один раз был и они тоже в свою очередь были у него один раз. Другим, не менее важным обстоятельством было и то, что кузина Кузьмы Федотыча Аглая проживала тоже в Москве у своих дальних родственников и Кузьма Федотыч с ней изредка переписывался, причем в одном из писем, как потом выяснилось, вскрытом бдительными чекистами /за Кузьмой Федотычем и сыном его наблюдение велось давно/, кузина жаловалась, что построенный в Кремле Дворец съездов верх безвкусицы и совершенно испортил вид кремлевского ансамбля, в ответ-

ном же письме /тоже проверенном/ Кузьма Федотыч не только согласился с этим мнением своей кузины, но и добавил от себя несколько крепких выражений по адресу незадачливых строителей.

На этот раз Кузьма Федотыч и его сын на Лубянке пробыли только сутки. Оттуда они были перевезены в Лефортовскую тюрьму, которая теперь называлась Следственным изолятором КГБ СССР. Изолятор действительно был тщательно "изолирован", с одной стороны его закрывал какой-то завод, с другой - высокие корпуса жилых зданий /в них жили тюремные работники/, к самой тюрьме вела очень узенькая дорожка, совершенно почти незаметная для посторонних глаз. Разумеется, что никаких решеток не было видно: сама тюрьма находилась не сразу за забором, сразу за забором был новенький покрашенный в светлую краску следственный корпус и служебные помещения, тюрьма же была отгрожена этими светлыми корпусами. Таким образом она имела двойное прикрытие.

Лефортовская тюрьма была знаменитая тюрьма. Это о ней пелось в одной народно-лагерно-тюремной песне, как "в воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла, своему родному сыну передачу принесла..." Привратник же ответил этой старушке, что передача ему уже не нужна, так как сын ее расстрелян "у Лефортовской тюрьмы".

Раньше тюрьма эта славилась не только тем, что в ней расстреливали, но и особо суровым режимом. Это была "режимная" тюрьма.

Теперь тюрьма переоборудована. Общие камеры были ликвидированы и переделаны на одиночки и казематы на двоих. Что же касается расстрелов, то они по-прежнему происходили в подвалах этой тюрьмы. Поэтому попавшие в эту

тюрьму могли быть спокойны, их излишне не травмировали и никуда не отвозили. Все происходило "на месте" и допросы и приведение приговора в исполнение. Вывозили, правда, но только на суд...

На другой же день после приезда в Лефортовку Кузьму Федотыча вызвали к следователю.

За столом в светлой комнате с большими окнами и скрытыми в них решетками /решетки были не видны с улицы, потому что одно стекло, то, что к улице, было матовое/ сидел человек лет сорока с небольшим, поразительно напоминающий товарища Стойкова в молодости. Те же холодные серые разбойничьи глаза, те же густые черные кудри, те же чувственные губы, даже подбородок тот же - тяжелый и тупой - и брови такие же густые и сросшиеся. В общем, если бы только человеку этому не было "всего только" сорок с небольшим /так по крайней мере он выглядел/, то Кузьма Федотыч принял бы его, несомненно, за самого товарища Стойкова, проделавшего операцию по омолаживанию.

- Садитесь, - добродушным голосом произнес человек в черном костюме /он был одет в модный черный костюм и белую рубашку с черным галстуком, вообще он выглядел вполне "прилично"/. Садитесь, пожалуйста. И человек так же добродушно улыбнулся.

Кузьма Федотыч присел на табурет у двери /все осталось так же как прежде/.

- Меня зовут Владлен Федорович Стойков, я ваш следователь, - представился человек в черном костюме.

Кузьма Федотыч не удивился. Кузьма Федотыч разучился удивляться давно. Еще когда попал в СЛОН. Окончательно же и бесповоротно пере-

стал удивляться чему бы то ни было Кузьма Федотыч после своего девятнадцатилетнего пребывания в лагере по своему последнему "делу". Поэтому Кузьма Федотыч, не удивляясь, спокойно спросил мужчину в черном костюме:

- Вы сын Федора Иваныча?

- Да, да, совершенно верно, - заулыбался Владлен Федорович, - я его сын, а вы знали моего папашу?

- Да, я знал его. Я даже дважды встречался с ним... в 192... и в 1937.

- Да, да... я помню по делу... вы уже третий раз арестовываетесь, не так ли?

- Да, третий. Правда, те два раза я был реабилитирован...

- Ах уж эти реабилитации, - замахал руками Владлен Федорович, - вот я по вашему делу... тоже когда-нибудь посмотрит следователь и удивится: за что людей посадили? А не поймет, что время было такое! Что нужно было вас посадить!

- Помилуйте, за что же нужно? - удивился Кузьма Федотыч. /Здесь он все же немного удивился, самую малость впрочем./

- Как за что?! - еще более удивился Владлен Федорович, - а пацанов-то кто совращал?

- Каких это пацанов? - спросил Кузьма Федотыч.

- Как это каких? А тех самых, что у вас собирались! Вы даже сына своего не пожалели, и того вовлекли.

- Я никого и ни во что не вовлекал... - глухо заговорил Кузьма Федотыч.

- Ну это уж бросьте! - прервал его Владлен Федорович. - Здесь, знаете ли, ка-ге-бе и ка-ге-бе все известно! Если бы не было известно, то нас гнали бы взащей...

- Вот, вот, точно так же говорил и ваш папаша... Сначала он говорил, что че-ка все известно, потом, что о-ге-пе-у все известно, потом что эн-ка-ве-де...

- А вы моего отца не трогайте! - злобно и угрожающе заговорил Владлен Федорович, - мой отец - честный члеовек! - Владлен Федорович повысил голос, - мой отец всю жизнь отдал революции! Не то что вы! Вы всю жизнь контрреволюции отдали!

- Если вы будете продолжать в таком тоне, то я не буду с вами разговаривать вообще! Знаете, с меня хватит! /Кузьма Федотыч был старый зэк и не только разучился удивляться, но разучился и бояться и говорил уже с "начальством" совсем в ином тоне, чем раньше!

Владлен Федорович, кажется, понял это и сразу резко переменял тон./

- Ну, погорячились и ладно... нам с вами... хи-хи... работать вместе, а не ссориться... хи-хи...

- А где, кстати, ваш папаша теперь? - спросил Кузьма Федотыч.

- На пенсии... Знаете наломали-таки дров с этим культом, - доверительно заговорил Владлен Федорович, - отец еще полон сил... а пришлось уйти на персональную... Сейчас скучает... ведь старый опытный работник... - и

в голосе Владлена Федоровича зазвучали нотки гордости, - с революции в чека...

"Старый опытный вор известный всему околотку Федька Корешок, - подумал Кузьма Федотыч", - однако вслух он этого не сказал, а только промолчал.

- Папаша, знаете ли, сейчас садоводством занялся со скуки, - добродушно рассмеялся Владлен Федорович, - участок у него большой... вот он и копается там...

- В каком он чине? - спросил Кузьма Федотыч.

- Генерал-полковник в отставке, - с гордостью усмехнулся Владлен Федорович.

- М-да..., - усмехнулся Кузьма Федотыч, - вы что же, по его стопам пошли...

- Да вроде бы... - согласился Владлен Федорович.

- Вы у него один?

- Да нет, я младший... Старший брат Марлен, тот по партийной линии пошел, член ЦК... сейчас... - опять с гордостью в голосе проговорил Владлен Федорович, - средний Марстален, теперь он ха-ха просто Виль - добродушно и очень доверительно, как к своему старому приятелю, обратился к Кузьме Федотычу младший Стойков, - так вот этот Виль по хозяйственной линии пошел... сейчас в аппарате Косыгина работает... А я вот... хи-хи... здесь... по отцовским стопам, - вздохнул он.

- А вы в каком чине? Если не секрет конечно?

- Нет, какой же в этом секрет... Я майор, - опять горько и чуть иронически усмехнулся Владлен Федорович, "вот дескать смотрите,

до сих пор всего лишь майор, разве это не смешно и не горько?"

Кузьма Федотыч, однако, сочувствия не выразил, а промолчал.

Помолчал немного и товарищ Стойков-младший. Потом снова заговорил:

- Ну так как же, Кузьма Федотыч? Пора, как говорится, и за работу... расскажите все о вашей антисоветской деятельности.

- Никакой антисоветской деятельностью я не занимался, - устало вздохнул Кузьма Федотыч.

- А пацанов-то кто совращал? - вкрадчиво спросил Владлен Федорович и сам же ответил, - вы! Вы совращали! И некому больше! Вы у них самый старший были.

- У кого у них?

- Да у пацанов, у тех самых, что "Союз освобождения" организовали...

- Какой еще там "Союз освобождения"? - презрительно спросил Кузьма Федотыч.

- Как какой? - очень удивился Владлен Федорович, - ай-ай-ай, нехорошо! Право нехорошо! Вовлекли ребят, а сами в кусты... хе-хе-хе - нечестно, Кузьма Федотыч, нечестно!

- Никого я не вовлекал, - устало ответил Кузьма Федотыч, - и знаете... мне это надоело... я это уже в 37 году слышал...

- Так вы, значит, на чекистов еще клеветаете, - зашипел Владлен Федорович, - что ж, так и запишем... по-вашему выходит сейчас, как в 37? И вас ни за что арестовали?

- Совершенно ни за что.

- Ах вот как! Так не угодно ли вам познакомиться с показаниями Сергея К., - и Владлен Федорович, встав из-за стола, подошел к Кузьме Федотычу и протянул ему несколько тонких, напечатанных на машинке, листков бумаги. Это были показания Сергея К., того самого непримиримого и очень активного юноши, который установил какие-то связи.

Прочитав эти показания, Кузьма Федотыч узнал, что, во-первых, он, Кузьма Федотыч, был главным организатором, идеологом и руководителем "Союза Освобождения", в который, кроме него, входили еще его сын Кузя, товарищ Кузи Юра, подруга Юры Таня и проживающий в Москве товарищ всех вышепоименованных Костя. Роль самого Сергея, знавшего обо всех, все была как-то неясна. С одной стороны, казалось, что и сам он во всем участвовал. /"Таня мне говорила... Кузя мне предлагал, от Кости я получил письмо".../, с другой стороны, он вроде бы и не участвовал. Кузьма Федотыч кстати вспомнил, что Сергей занял у него как раз накануне ареста 50 рублей, обещая вернуть их завтра же; вспомнил он, что Сергей занял столько же у Кузи, тоже обещая вернуть "завтра же". "Заем" этот был сделан под предлогом каких-то чрезвычайных нужд... Кузьма Федотыч был теперь старый опытный зэк и ему сразу же стало все ясно...

- Ваш Сергей К. - провокатор и вор, - сказал он, прочитав "показания".

- Сергей - честный советский человек! И вы не смеете так говорить о нем! - закричал с наигранным возмущением в голосе Владлен Федорович.

- Ваш Сергей - провокатор, - спокойно ответил Кузьма Федотыч, - и вор... вор, потому что накануне ареста выманил у нас 100 рублей... вор, потому что у меня из пальто он украл пятерку... - Кузьма Федотыч вспомнил, что после ухода Сергея у него из кармана пальто пропала пятерка, тогда он всячески внушал себе, что пятерку эту он сам потерял, хотя прекрасно и твердо знал, что пятерка накануне прихода Сергея была в кармане пальто, знал, но не хотел знать, не хотел верить, потому что считал невозможным, теперь же все стало совершенно ясно и просто.

- Вы клевете! Клевете на советских людей, которые помогли разоблачить вас! - гремел Владлен Федорович.

- ... и которые заодно украли у меня из кармана 5 рублей и выманили 100, - спокойно и иронически закончил Кузьма Федотыч.

Владлен Федорович прекратил допрос. Владлен Федорович нажал на кнопку звонка. Владлен Федорович предложил вошедшему конвоиру увести Кузьму Федотыча. И Кузьму Федотыча увели обратно в его одиночку.

Однако на другой день после обеда его снова вызвали на допрос.

- И вам не стыдно? - укоряюще спросил его Стойков-младший.

- Чего? Я пятерки из чужого кармана не крал, - угрюмо ответил ему Кузьма Федотыч.

Владлен Федорович укоризненно покачал головой.

- Я не о пятерке, - вздохнул он, - я о том, как вам не стыдно клеветать на советскую власть? Вас советская власть реабилитировала,

выпустила из лагеря, восстановила вас в правах даже, - здесь голос Владлена Федоровича задрожал от охватившего его всего патетического негодования, - даже квартиру вам дали! Отдельную! А вы! Вы чем оплатили советской власти?! Клеветой! Грязной клеветой!

Кузьме Федотычу начинала надоедать патетика Владлена Федоровича, поэтому он прервал ораторское упражнение младшего Стойкова естественным в его положении вопросом:

- О какой клевете идет речь?

- О ваших пресловутых афоризмах, - "занегодовал" Владлен Федорович.

- Какая же в них клевета, да еще антисоветская? Пожалуй, даже наоборот... - чуть усмехнулся Кузьма Федотыч.

- Как какая клевета?! Как наоборот?! - еще более вознегодовал Владлен Федорович, - вы вот пишете, - он принялся листать дело, - да вы вот пишете, цитирую: "И после оттепели бывают заморозки".

- Ну так что же? - удивился даже Кузьма Федотыч, который, как мы уже говорили, почти полностью и совершенно разучился чему-либо удивляться.

- Как ну так что же! - закричал Стойков-младший, - это же... это же злобная антисоветская клевета!

- Почему же клевета? Ведь действительно после оттепели бывают иногда заморозки, - начал было Кузьма Федотыч, но Стойков-младший негодуяще прервал его:

- Не притворяйтесь! Вы отлично знаете в каком это смысле! Вы что, за дурака меня счи-

таете, что ли? Так это зря! Зря Кузьма Федотыч.

"Если ты и не дурак... совсем, то мерзавец изрядный", - подумал Кузьма Федотыч и сказал:

- Я во всяком случае категорически отрицаю здесь антисоветский смысл. Это ваша произвольная интерпретация... Это вам угодно видеть здесь антисоветский смысл, его здесь нет.

- Ах, его здесь нет, - издевательски передразнил его Владлен Федорович, - вы еще будете утверждать, что ваш афоризм относится просто к погоде? не так ли? ха-ха-ха, - и Владлен Федорович рассмеялся саркастическим смехом.

- И тем не менее я это утверждаю, - угрюмо ответил Кузьма Федотыч.

- Ах так! Хорошо! Значит не хотите признаваться, - злобно заговорил Владлен Федорович, - а этот афоризм к погоде относится тоже? - И он внятно с выражением прочел: "Если презренный чужеземец скажет тебе, что в отечестве твоём очереди даже за картошкой, ответствуй ему, а в Америке негров линчуют". Это что, тоже о погоде?! - кричал Владлен Федорович.

- Но ведь... в Америке действительно негров линчуют, - чуть усмехнулся Кузьма Федотыч, - потом наивным голосом добавил, - впрочем я не знаю... я там не был, в газетах пишу...

- В каких газетах!!! - закричал совсем потерявший голову Владлен Федорович. - "А ведь он действительно дурак, - подумал Кузьма Федотыч, - подлец и дурак, значит далеко пойдёт" и тихо сказал:

- В советских газетах.

- А-а-а, в советских, в советских, - злобно зашипел Владлен Федорович, а этот афоризм тоже в советских... вот полюбуйтесь: "Если презренный иноземец будет клеветать, что в отечестве твоём нет свободы, ответствуй ему: а в Америке негров линчуют".

- Так ведь здесь же сказано "клеветать", - теперь уже широко улыбнулся Кузьма Федотыч, - тут сказано: "если он будет клеветать", стало быть на самом деле свобода есть...

- Да вы что? Да вы что? Издеваться надо мной вздумали?! - подбежал к Кузьме Федотычу Стойков-младший, он давно уже вышел из-за стола и бегал по кабинету. - Как будто я не понимаю в каком это смысле? Это в антисоветском, в антисоветском смысле!

- А я это отрицаю.

- А я это утверждаю.

- Но ведь это надо доказать, - не сдавался Кузьма Федотыч.

- Это каждому ясно! Это любой эксперт /"какой это еще эксперт", - подумал Кузьма Федотыч/, любой эксперт скажет, что здесь анти-советский смысл.

- Докажите.

- А вот еще полюбуйтесь: "Партию и правительство благодари неустанно".

- Так ведь везде пишут, "благодаря неустанной заботе партии и правительства".

- Бросьте, бросьте, не кощунствуйте! Вы же в издевательском смысле... Разве не ясно?

Это каждому, понимаете, каждому дураку ясно!

- Ясно, что партию и правительство можно благодарить за заботу только в издевательском смысле, да? Вы это хотите сказать? - насмешливо спросил Кузьма Федотыч.

- Да! Да! Да! - закричал Владлен Федорович, - вот именно только в издевательском! - Потом, спохватившись, поправился: - Вы, вы в издевательском!

- Не я, а вы сказали в издевательском...

Но Владлен Федорович нажал кнопку и допрос был прекращен.

Через пять дней Кузьму Федотыча снова вызвали на допрос.

- Не надоело вам еще в одиночке сидеть? - спросил его Владлен Федорович.

- Мне вообще надоело сидеть по тюрьмам, - ответил Кузьма Федотыч.

- Ах вам надоело! Вам, видите ли, надоело! Так не надо было антисоветчиной заниматься, тогда бы и не сидели!

- Я и не занимался, - устало ответил Кузьма Федотыч, - однообразие бесед начинало ему надоедать.

- Как вам только не стыдно! Вы пожилой человек и запираетесь, как мальчишка! Надо иметь честность и мужество признать свою вину! И тогда... повинную голову и меч не сечет... Теперь не то время... Если вы честно все расскажете, то... то вы облегчите свое положение, значительно облегчите... - многозначительно закончил Владлен Федорович.

- Но... Но я не знаю за собой никакой вины.
- А то, что вы пацанов совращали? А ваши пресловутые афоризмы?
- Никаких "пацанов", как вы изволите выражаться, я не совращал, антисоветского умысла в моих афоризмах не было.
- Ах, не совращали! Ах, не было, - злобно и ядовито рассмеялся Владлен Федорович, - скажите пожалуйста, вы уже юридическим языком заговорили, умысла не было!
- За 26 лет пребывания в лагерях и тюрьмах, наверно, можно было научиться "юридическому языку".
- Да, кстати, о тюрьмах... вот у вас есть афоризмы и к тюрьмам относящиеся, вот извольте, я вам зачитаю, и Владлен Федорович прочел: "На какой бы срок тебя ни посадили, не отчаивайся, может быть, после отбытия срока тебя и реабилитируют". Или вот еще: "Даже если тебя и расстреляют, тоже не отчаивайся, тебя могут реабилитировать посмертно".
- Так разве у нас не реабилитируют... и даже посмертно? - наивным голосом спросил Кузьма Федотыч.
- Бросьте, бросьте притворяться! Вы это все в антисоветском издевательском смысле...
- Это вы произвольно и без всяких доказательств придаете моим афоризмам антисоветский смысл...
- А вы не придавали им антисоветский смысл, когда поместили их в антисоветский сборник? - изогнулся Владлен Федорович.
- В какой антисоветский сборник?

- Будто вы не знаете? В "Зарницы"! А "Зарницы" эти между прочим попали на Запад...

- Я действительно согласился, чтобы мои "афоризмы" были помещены там, однако сборник этот не носил антисоветского характера... он, конечно не был казенным, но это был прежде всего литературный сборник, без политического направления...

- Это была махровая антисоветчина! - закричал Владлен Федорович, - и не вам, понимаете, не вам давать ему оценку!

- Значит оценку, политическую оценку, имеете право давать только вы? И давать ее так, как вам хочется?

- Да я!

- В таком случае, зачем вести допрос? Вы же заранее уже все решили...

Владлен Федорович нажал кнопку.

14

В таких бесплодных дискуссиях прошел месяц.

Наступила весна. Солнышко стало заглядывать по утрам даже в одиночку, в которой томился Кузьма Федотыч. Заглядывало оно, правда, робко, на полчаса, на часик: потому что если "намордники" и были сняты теперь с окон, то окна на 4/5 были замазаны белой краской, через которую солнышка не было видно, оставалась не замазанной только форточка, вот в эту форточку и заглядывало солнышко. Неудивительно поэтому, что заглядывание солнышка носило такой робкий характер.

Однажды, в такое утро, когда солнышко робко заглянуло в каземат Кузьмы Федотыча, и, пробежав по каменному полу, остановилось у выкрашенных в защитную краску бронированных дверей, Кузьму Федотыча вызвали на допрос. Обычно его вызывали после обеда или перед обедом, так рано его еще никогда не вызывали, поэтому Кузьма Федотыч был немного удивлен.

- Как вы себя чувствуете, Кузьма Федотыч, - озабоченным и участливым тоном спросил его Владлен Федорович.

Кузьма Федотыч несколько удивился как самому вопросу, так и наигранно участливому тону, в каком этот вопрос был задан.

- Как же себя можно чувствовать в тюрьме? - спросил он в свою очередь.

- Да, да, - завздыхал Владлен Федорович, - в тюрьме тяжело, в тюрьме, конечно, тяжело, да, да... у вас, наверное, и голова болит?

- Да нет, голова не болит...

- Как же так не болит? Обязательно болит! - убежденным тоном заговорил Владлен Федорович, - вон вы как выглядите! Серый весь! - сочувственно закивал он головой, - и спите, наверное, плохо?

"С чего бы это он, - подумал Кузьма Федотыч, - неужели решили выпустить..." и вслух ответил:

- Где уж плохо спать! Плохо спать некогда, в 6 часов поднимают!

- Да, да, конечно, я понимаю, - завздыхал Владлен Федорович, - голова болит, не высыпаетесь, все разные мысли...

"Откуда это он взял, что у меня голова болит? И к чему это он все клонит?" - напряженно думал Кузьма Федотыч.

- А вам так... ничего не слышится... иногда? - игриво подмигнул Владлен Федорович.

- Что не слышится? - не понял Кузьма Федотыч.

- Ну так... голоса всякие... - Владлен Федорович сделал легкомысленный жест, - шум...

- Нет... не слышится, - все еще не понимая, ответил Кузьма Федотыч.

- А мы, знаете, того, - Владлен Федорович весь расцвел в улыбке, - решили вас немножко... хи-хи... полечить...

- Как полечить? От чего?

- Нервы, знаете... и вообще... Ведь вы же больной человек, - убежденно заговорил Владлен Федорович, вы не преступник, нет! Вы просто больной человек!

- В чем же моя болезнь? - насмешливо спросил Кузьма Федотыч, он начинал уже догадываться, куда клонит Владлен Федорович, недаром он был старый зэк и слышало страшной "казанке", вечной койке, откуда "возврата нет". Однако именно потому, что он был старый зэк, он понимал, что и отсюда ему нет возврата, что в 60 с лишним лет пережить снова лагерь с многолетним сроком пребывания там почти нереально, поэтому он и спросил насмешливо, что было ему ВСЕ РАВНО...

- Да в том, что вы против советской власти пошли... вас советская власть реабилитировала, дала вам отдельную квартиру в новом доме, а вы против нее пошли...

"Меня советская власть ни за что ни про что посадила в тюрьму, подумал Кузьма Федотыч, - отобрала у меня 27 лет жизни... лишила меня молодости, счастья, семьи, сделала меня инвалидом, развалиной..."

- Ведь это только больной человек может, - продолжал Владлен Федорович, - потом вот вы утверждаете, что Сергей вас обокрал... Ведь это же бред... типичный шизофренический бред! Мания преследования.

- Он действительно меня обокрал и вы сами это знаете...

- Ну вот, ну вот, - замахал руками Владлен Федорович, - ну как же вы не больной! Сегодня после обеда и поедете, - закончил разговор Владлен Федорович.

И Кузьма Федотыч поехал "после обеда".

После получасового пребывания в боксике воронка, где не только нельзя было повернуться, но нечем было дышать вообще, так что Кузьма Федотыч одно время подумал, что не наступил ли его последний час и не посадили ли его в "душегубку", Кузьму Федотыча доставили в знаменитый институт Судебной психиатрии им. Сербского, что находится в Кропоткинском переулке.

Помещение, куда привели Кузьму Федотыча, было чистое и светлое, после полутемного, всегда каменного мешка-каземата, оно показалось совсем дворцом.

В кабинете сидело несколько людей в белых халатах, середине немолодой мужчина, через толстые стекла очков которого виднелись колючие внимательные глаза.

- Вы и есть Кузьма Федотыч Прутков, - очень громко и раздельно спросил мужчина.

"Он наверное думает, что я глухой", - подумал Кузьма Федотыч и ответил:

- Да, я и есть.

- Как вы себя чувствуете, - все таким же громким и раздельным, как бы издавдалека доносящимся голосом продолжал допрос мужчина с пронзительным взглядом.

"Наверное, это главный ... профессор", - опять подумал Кузьма Федотыч и вежливо ответил:

- Благодарю вас, хорошо.

- Кузьма Федотыч! - как-то нарочито "по-театральному", как подумал Кузьма Федотыч, обратился к нему профессор, - Кузьма Федотыч! Вы считаете себя больным или здоровым? - и профессор впился в него взглядом.

- Здоровье плохое... печень, гипертония, астма...

- Печень, гипертония, астма, - полушепотом почему-то повторил профессор, оборачиваясь к сидевшим с ним рядом, потом, повернувшись к Кузьме Федотычу, снова заговорил громким нарочитым голосом, разделяя слоги, как будто Кузьма Федотыч только так и мог понять его: - Я, Кузьма Федотыч, спрашиваю вас о вашем психическом состоянии... Считаете ли вы себя психически больным или психически здоровым человеком?

- Я считаю себя психически здоровым человеком, - вздохнул Кузьма Федотыч.

- "Типично", - услышал Кузьма Федотыч шепот профессора. Потом профессор, обратившись к Кузьме Федотычу уже с легкой чуть торжествующей улыбкой, произнес:

- Почему вы вздыхаете так тяжело, Кузьма Федотыч? У вас болит голова?

"Потому что ты дурак", - чуть не сорвалось у Кузьмы Федотыча, но он ответил:

- Потому что в воронке было нечем дышать и... и я очень устал.

- Сейчас мы кончим, Кузьма Федотыч. Еще только несколько вопросов... Скажите, пожалуйста, у вас в роду кто-нибудь болел психическим расстройством?

- Нет, никто не болел.

- А вы сами никогда не состояли под наблюдением психиатров?

- Нет, не состоял.

- Расскажите нам, Кузьма Федотыч, как вас обокрали?

- Вы имеете в виду Сергея К.? - спросил Кузьма Федотыч.

- Да, я имею в виду Сергея К., - нарочито серьезным тоном и очень громко произнес профессор.

Кузьма Федотыч рассказал.

В наступившей после его рассказа паузе Кузьма Федотыч различил шепотом произнесенные слова "типично", "характерно", "классический случай" и непонятные ему латинские термины.

- Вы можете идти, Кузьма Федотыч, - сказал профессор и потом, обратившись к стоявшей рядом с Кузьмой Федотычем санитарке, добавил: - отведите Кузьму Федотыча на 5-е отделение.

На 5-ом отделении, куда его привели, Кузьме Федотычу понравилось: палаты были открыты, окна были большие, светлые, без решеток, но со специальными небьющимися стеклами, как узнал потом Кузьма Федотыч, посередине коридора лежал половичок и по нему разгуливал охранник в военной форме, но в надетом на эту форму белом халате; кроме охранника, по коридору гуляли еще санитар и санитарка, то, что это были санитар и санитарка, Кузьма Федотыч догадался, потому что у них под белыми халатами военной формы не было видно.

На 5-ом отделении Кузьма Федотыч пробыл месяц и пять дней. Месяц до комиссии и пять дней после. В течение этого месяца его однажды вызывал врач. Врач был молодая еще женщина и довольно даже симпатичная. Разговор был недолгий: вопросы были приблизительно те же, что и при "приеме" Кузьмы Федотыча, разве что несколько более подробно расспрашивалось об общем самочувствии Кузьмы Федотыча и о краже у него из кармана пяти рублей.

Зато профессора Кузьма Федотыч видел каждый день. Профессор каждое утро в сопровождении свиты совершал обход. И каждый раз, подходя к Кузьме Федотычу, он задавал один и тот же вопрос: "Как вы себя чувствуете?" На этот вопрос Кузьма Федотыч давал один и тот же ответ: "Хорошо".

Однажды, незадолго до комиссии, к Кузьме Федотычу подошел один из вновь прибывших "больных". Это был человек лет тридцати, с тонким интеллигентным лицом и в очках, одетый как и все в серый больничный халат и с бритой головой, что указывало на то, что он прибыл из уголовной тюрьмы. /В политической тюрьме голову не брили, Кузьма же Федотыч

находился на "общем" уголовном отделении, политические находились тоже на этом отделении, но в так называемом "изоляторе". Сначала Кузьма Федотыч думал, что это потому, что в "изоляторе" места не хватило, ему, собственно говоря, так и намекнули, но потом выяснилось, что в "изоляторе" находился в это время сын Кузьмы Федотыча - Кузя. Впрочем, на общем отделении, кроме Кузьмы Федотыча, находилось еще несколько политических, которым действительно "места не хватило" в изоляторе./

- Простите, я случайно услышал, что ваша фамилия Прутков? - начал подошедший.

- Да, вы не ошиблись. Я действительно Прутков.

- Кузьма Федотыч? - почему-то, как показалось Кузьме Федотычу, радостно спросил подошедший.

- Да, Кузьма Федотыч.

Подошедший протянул ему руку.

- Моя фамилия П...в, впрочем, вам она ничего не говорит... зовут меня Юрий Александрович. Что, конечно, тоже вам ни о чем не говорит, - заулыбался он, - а вот вас я знаю!

- Меня? - удивился Кузьма Федотыч. Он никогда в жизни не видел Юрия Александровича.

- Да, вас, - ласково улыбнулся Юрий Александрович.

- Каким же образом? Мы с вами, насколько помнится, нигде и никогда не встречались.

- Совершенно верно. Никогда и нигде не встречались. Но, во-первых, о вас был фельетон в газете... во-вторых...

- Обо мне? Фельетон?! - удивился Кузьма Федотыч, который, как нам известно, ничему уже не удивлялся.

- Да, о вас, скромно и чуть улыбаясь, ответил Юрий Александрович.

- Что же... о чем же писали в этом фельетоне?

- О том, что вы устраиваете у себя оргии... что у вас для этой цели собирается молодежь... вы их развращаете... показываете им порнографические картинки... даете им читать всякую порнографию... ну, и сам, конечно... того... увлекаетесь, - Юрий Александрович снова чуть улыбнулся.

Некоторое время Кузьма Федотыч молчал. Даже он, опытный и закаленный ээк был потрясен. Дело в том, что за всю свою жизнь Кузьма Федотыч ни разу не видел ни одной порнографической картинки, ни разу за всю свою жизнь никогда не прочитал ни одного порнографического рассказика, не говоря уже о более крупных "произведениях" этого жанра. И дело было не только в том, что Кузьма Федотыч был душевно скромный человек и вообще был, как говорится, "далек от всего этого", может быть из чистого любопытства Кузьма Федотыч и посмотрел бы и "прочел" /ну, хотя бы, чтобы представление иметь, - Кузьма Федотыч был отнюдь не ханжа/, но подобного рода рисунки и издания никогда не попадались ему на глаза, а Кузьма Федотыч никогда их специально не искал. Поэтому Кузьма Федотыч был удивлен. Хотя удивляться он отвык.

- А вы... не ошиблись? - наконец спросил он.

- Нет, не ошибся, - ответил Юрий Александрович и в доказательство того, что он не ошибся, привел имена и фамилии других участников

"пьяных оргий", сына Кузьмы Федотыча - Кузи, его товарища Юры, подруги Юры - Тани и, наконец, московского их друга - Кости. В общем вся компания была названа и каждый даже в отдельности охарактеризован /например, Костя, работающий в двух местах, назван "злостным тунеядцем", Таня, очень скромная и умная девушка, студентка, названа "девицей легкого поведения", Юра - тунеядцем и алкоголиком, отбывшим срок за уголовное преступление. /Юра был студент заочник и работал одновременно на заводе; он действительно, когда ему было 18 лет, был осужден на 3 года, но не за "уголовное преступление", а за антисоветскую агитацию и пропаганду, т.е. по 70 ст. УК РСФСР./

- Но... ведь все это с начала и до конца гнусная, возмутительная ложь! Ложь, не имеющая даже самого отдаленного отношения к правде! С таким же успехом меня можно было обвинить... - Кузьма Федотыч запнулся, подыскивая, в чем бы это можно было его обвинить особенно неправдоподобном, - ну, скажем... в карманном воровстве.

- Что ж тут невозможного! - рассмеялся искренне и весело Юрий Александрович, - можно и в карманном воровстве! В спекуляции, во всяком случае, вас хотели обвинить!

- Меня в спекуляции? Но... но... откуда вы-то все это знаете?

- Да я, знаете ли, оказался в курсе... - уклончиво ответил Юрий Александрович, а что касается спекуляции, то я забыл сказать вам, что если вас лично не обвиняют, то Юру, и вашего сына, и Таню обвиняют в том, что они выпрашивали вещи у иностранцев около отеля, а потом перепродавали их... то есть в так называемой "фарцовке", вначале же хотели и вас обвинить в "фарцовке".

- Но... но ведь это... это фантастика какая-то!

- Отнюдь. Всего лишь действительность. Даже повседневная действительность... Будни, так сказать...

- Но... но ведь меня даже на следствии не обвиняли в этом...

- А зачем вас было в этом обвинять? Фельетон появился тогда, когда вас уже решили признать больным и отправить в "институт"...

После нескольких дней бесед П...в доверился Кузьме Федотычу и рассказал свою историю.

Он довольно крупный работник прокуратуры СССР. "Органам" стало известно о его политической неблагонадежности, о высказываемых им оппозиционных взглядах, мало того, "органы" опасались встреч и контактов П...ва с иностранцами, а такие встречи могли быть, мало того, как предполагали "органы", такие встречи намечались. П...в слишком много знал, сведения, полученные от него, могли быть опасны. Надо было срочно принимать меры. И меры были срочно приняты. П...в был арестован по обвинению... в изнасиловании.

Обвинение было составлено на скорую руку и концы с концами не сходились. П...в был обвинен в изнасиловании четырех женщин в течение месяца. Двоих он знал /визит их к нему на квартиру был довольно ловко организован "органами" даже со "свидетелями"/. Других же двоих он вообще никогда в жизни не видал.

П...в понимал, что с ним "кончено". Его ждал расстрел или в самом лучшем случае похороны заживо в какой-нибудь "сычевке" /Юрий Александрович был в курсе всех этих дел и разъяснил Кузьме Федотычу "всю систему"/.

Что же касается фельетона, то это был обычный практиковавшийся метод КГБ. Метод компрометации своих политических противников.

К сожалению времени было слишком мало. Через несколько дней Кузьму Федотыча увезли /после комиссии/, а довериться сразу Юрий Александрович не мог. "Процупывание" же заняло слишком много времени, так как время пребывания Кузьмы Федотыча на институтских хлебах /довольно приличных после тюрьмы/ подходило к концу.

Все, что узнал Кузьма Федотыч от Юрия Александровича, было настолько подло и настолько не отличалось /а кое в чем и превосходило/ от методов, применявшихся в 1937 году, что Кузьма Федотыч сначала даже не поверил Юрию Александровичу /мало ли что может быть, да еще в таком месте!/. Однако Юрий Александрович назвал такие факты из дела и биографии Кузьмы Федотыча, что никто и никак их знать не мог, кроме тех, кто был в "курсе дела", - после приведения этих фактов, всякие сомнения Кузьмы Федотыча исчезли.

16

Комиссия прошла для Кузьмы Федотыча очень серо. Было всего три вопроса. Один касался общего самочувствия /"как вы себя чувствуете?"/, другой - пресловутой кражи 5 рублей, третий о головной боли /болит ли головка? - как ласково спросил один член комиссии/.

Через пять дней после комиссии Кузьму Федотыча увезли в "Лефортовку". Кузьма Федотыч думал, что, поскольку его увезли /на "воронке", конечно, и в "боксике"/ обратно в тюрьму, то его признали здоровым. Однако не тут-то было! Спустя двое суток после его обратного водворения в "одиночку", дежурный офицер

объявил ему, что он признан "больным". В ответ на недоуменный вопрос Кузьмы Федотыча, почему же он, больной, привезен обратно в тюрьму, дежурный офицер ответил: "А куда же вас девать?" Когда же Кузьма Федотыч заявил вполне резонно, что больных отправляют в больницу, а отнюдь не в тюрьму, дежурный офицер не менее резонно "разъяснил" ему, что больницы он не минует, но сейчас в больнице мест нет, так она переполнена, а в ожидании освобождения мест ему придется подождать, где ему будут "созданы условия".

"Условия" действительно были созданы: прогулка была увеличена с часу до двух часов и, кроме того, было разрешено в дневное время лежать на кровати. Что же касается "ожидания очереди", то ожидание это продлилось долго. Очень долго. Шесть месяцев.

Через шесть месяцев Кузьма Федотыч, на этот раз вместе с сыном своим Кузей /его тоже признали больным и в воронке их не разлучали/, был доставлен "обычным порядком" на вокзал и помещен /опять-таки вместе с сыном своим Кузей. Снисходительность-то какая!/ в этапный вагон в одну "клетку".

Как выяснилось потом, их двоих отправили "домой", то есть в Ленинградскую спецбольницу. Юра же, Костя и Таня были отправлены в такую же спецбольницу, но в Казань.

Спецбольница встретила вновь прибывших сурово: маленькими окнами тюремных камер и мрачными коридорами. /Это была бывшая женская тюрьма./ Кузьму Федотыча и сына сразу же разъединили. Больничное начальство оказалось более бдительным, чем тюремное.

Камера /то бишь палата/, куда привели Кузьму Федотыча, была точь-в-точь как в "Лефортовке", правда окна были не замазаны.

В камере его встретил высокий худой мужчина лет пятидесяти. Он подошел вплотную к Кузьме Федотычу и, взяв его за пуговицу серой тюремной куртки /все в больнице были одеты в серые тюремные куртки, такого же цвета брюки и ватники, в Лефортовке же ходили в "вольном"/, разделяя каждый слог, произнес:

- Послушайте молодой человек. У меня был иде-аль-ный муж-ской член ха! ха! ха! - деревян-ным смехом рассмеялся он, - и вот меня, аб-со-лю-тно здорового че-ло-века, посадили в су-ма-с-ше-дш-ий дом! Ха-ха-ха. - Он отпустил пуговицу Кузьмы Федотыча и отошел к окну.

Кузьме Федотычу стало не по себе...

Напрасно Кузьма Федотыч просил врача о переводе его в другую камеру /то бишь палату, как каждый раз поправлял его врач/, врач был неумолим: в других палатах мест нет, а Ш. "спокойный больной", он ведь не набрасывался на Кузьму Федотыча, не бил его, он даже не ругался, он только все время говорил о "половом члене", который был у него "совершенно здоровым"...

Все же отрывками Кузьма Федотыч узнал, что Ш. просидел в режимной Владимирской тюрьме 20 лет, сколько же лет он находился здесь, он точно не помнит, может быть пять, а может быть и шесть "в общем немного"...

Прогулка вместо двух тюремных часов была в больнице один час. Но было нечто и хорошее; несмотря на то, что Кузьма Федотыч и Кузя были разделены: Кузя, оказывается, был помещен в корпус напротив и Кузьма Федотыч видел его в окно. Постепенно они даже научились разговаривать жестами и Кузьма Федотыч, казалось, вполне примирился со своей участью /а что, интересно, он мог еще поделаться!/. Так прошло два года...

В течение этих двух лет Кузьму Федотыча мало беспокоили: к врачу его вызывали раза три-четыре, на комиссию, приезжающую из Москвы, два раза. Все остальное время он проводил с Ш. /главным образом выслушивая его монологи об "идеальном мужском половом члене"/ и в разговорах /знаками/ со своим сыном Кузей.

Через два года Кузьма Федотыч /который к этому времени стал разговаривать сам с собой/ был переведен на выздоравливающее отделение. Там было лучше. Бредовых больных почти не было. Даже камеры днем не закрывали. Даже телевизор был в коридоре.

17

Еще через год Кузьма Федотыч был представлен к выписке.

Режим в больнице был такой же /может быть, только немного строже/. На окнах - решетки, в коридоре - конвоир плюс санитар /из уголовников спецобслуги, присланный в больницу для отбытия срока/, плюс санитарка из вольнонаемных, плюс сестра, вот, пожалуй и вся охрана. Прогулка, правда, была кратковременна, всего час. Само собой кругом вышки с вооруженной охраной, колючая проволока, все что полагается. Били только на закрытых отделениях. Выздоровливающих не били. Поэтому Кузьма Федотыч даже как-то привык к больнице, тем более что кормили... не то чтобы прилично, а съедобно, главное же ехать в лагерь и работать там на тяжелых работах лет 5-7 Кузьме Федотычу никак не улыбалось.

На третьей комиссии Кузьме Федотычу, после того, как его спросили, как он себя чувствует, и он в свою очередь ответил, что чувствует себя хорошо, был задан еще один вопрос

/обычно больше вопросов не задавалось/: "не надоело ли ему в больнице?", Кузьма Федотыч ответил, что надоело. Председатель комиссии улыбнулся и задал еще один вопрос: не хочет ли Кузьма Федотыч домой, Кузьма Федотыч ответил, что хочет. Тогда председатель задал еще один вопрос: что он дома будет делать? Кузьму Федотыча этот вопрос припер к стенке. Действительно, что он будет делать дома? Ответить, что он собирается работать - глупо, так как у него возраст пенсионный, ответить, что ничего не собирается делать, а просто жить на пенсию, вроде как-то неудобно /подумают еще, что у него тунеядские настроения/, Кузьма Федотыч замялся. Кузьма Федотыч стоял и молчал в напряженной тишине. А тишина была напряженная, потому что все молчали и ждали ответа Кузьмы Федотыча.

Председатель уже собирался махнуть рукой, когда Кузьма Федотыч, собрав все силы своего мышления, вымолвил:

- Буду работать по возможности дома, домашнюю работу.

Председатель довольно заулыбался и мягко ответил Кузьме Федотычу:

- Можете идти.

На другой день врач поздравил Кузьму Федотыча с выпиской. Еще через шесть месяцев все акты и документы, проделав положенное им движение, утвердили выписку Кузьмы Федотыча.

Через шесть месяцев после комиссии Кузьма Федотыч покинул гостеприимные стены Ленинградской специальной психиатрической больницы МООН СССР.

На прощание врач сказал ему напутственное слово:

- Если попадете сюда еще раз, поедете в Сычевку.

У ворот Кузьма Федотыч встретился со своим сыном Кузей. Домой они поехали вместе.

х

Я, Иван Русланов, хорошо знал Кузьму Федотыча, пробыв с ним в одном лагерном бараке пять лет. Вместе мы были реабилитированы. Потом, после "выздоровления" Кузьмы Федотыча, мы опять с ним встретились и он рассказал мне о своих последующих злоключениях. Жизнь Кузьмы Федотыча поучительна и в некотором роде "показательна", поэтому я и записал ее с его слов.

Ниже я привожу некоторые из афоризмов Кузьмы Федотыча, не упоминавшиеся в тексте, в них нашел свое отражение богатый жизненный опыт автора.

АФОРИЗМЫ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА /ВНУКА/

В камере всегда занимай место ближе к окну, там воздух свежее.

Ежели презренный иноземец будет клеветать, что в отечестве твоём все слишком дорого, ответствуй ему: а в Америке негров линчуют.

Ежели презренный иноземец скажет тебе, что ты никуда не можешь выехать из отечества своего, ответствуй ему: а я и не хочу никуда ехать! Потому что в Америке линчуют негров.

И еще раз скажу: партию и правительство благодарю неустанно.

Если ты не обнаружишь в магазине тех продуктов, которые ты захотел бы поесть в праздник, не расстраивайся, значит у тебя нет в них потребности. У тех, у кого есть в них потребность, те их кушают.

Когда в камеру входит надзиратель, надо вставать.

На очереди не ропщи: очереди воспитывают в тебе чувство коллективизма.

Даже Сталин ошибался.

Здоровый ли ты или сумасшедший - это знает только начальство.

Если ты хочешь купить холодильник, а его нет в свободной продаже, не расстраивайся: к столетию Октября будут.

Ежели презренный иноземец скажет тебе, что в Советском Союзе писателей сажают в тюрьму, смело ответствуй ему: а в Америке негров линчуют!

Ежели презренный иноземец скажет тебе, что ты не можешь купить у себя в отечестве иностранных газет, ответствуй ему: я и не хочу их покупать, потому что в Америке линчуют бедных негров!

По разрешению правительства можно многое делать: можно даже бить окна и в иностранных посольствах.

Ошибаться могут все. Только партия никогда не ошибается.

Брежнев тоже Ильич.

"Культ" всегда бывает только в прошлом.

Если ты смел, то можешь критиковать даже дворника.

Люби начальство свое и чти правительство свое и будешь счастлив в отечестве своем.

Когда аплодируешь на собраниях, не жалея ладоней своих.

Если прикажут, то можно критиковать даже непосредственное начальство.

Газеты читай ежедневно: газеты определяют твоё мнение по всем вопросам внутренней и внешней политики.

К двухсотлетию Октября даже ты запишешься в очередь на автомобиль.

В сумасшедшем доме все же лучше, чем в лагере.

На "воле" еще лучше, чем в сумасшедшем доме: за спиной нет конвоира.

Кого тебе ругать и кого хвалить, знает только начальство: и китайцев когда-то хвалили.

Врагов разоблачай!

На прогулках всегда держи руки сзади, так тебе легче будет привыкать к тюремно-лагерному режиму.

Если встретишь китайца и он скажет тебе, что великий Мао никогда не ошибался, смело ответствуй ему: ложь! Никогда не ошибался только великий Ленин.

Ленин - святыня советского народа.

В Китае Мао заменил Ленина, у нас остается Ленин.

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

Кто великий, решает только ЦК партии. Сталин тоже был когда великий...

Будет ли Сталин снова великим, может решить только съезд партии.

Если встретишь китайца и он обзовет тебя ревизионистом, ответствуй ему: сами вы ревизионисты! Культурная революция была пока только в СССР!

Интервенты могут быть только американскими. Или союзниками американцев /английскими, французскими и т.д./.

Советские войска всегда осаждают народы и всегда по просьбе народов.

Советские войска освободили Чехословакию по просьбе ее видных партийных и государственных деятелей.

Если же презренный иноземец - агент американского империализма, скажет тебе, что советские войска вторглись в Чехословакию без просьбы ее видных партийных и государственных деятелей и что он не знает имен этих деятелей, смело ответствуй ему: напрасно вы рассчитываете, что я выдам вам государственные секреты моей Родины!

Если бы советские войска не пришли бы во время на помощь народам Чехословакии, Чехословакию оккупировали бы бундесвер, американские империалисты и израильские агрессоры.

Все вьетнамцы - коммунисты. Некоммунисты - наймиты американского империализма.

Во Вьетнаме американцы убивают вьетнамцев.

Вьетнам может быть объединен только вьетнамскими коммунистами.

Корея может быть объединена только корейскими коммунистами.

Германия может быть объединена только германскими коммунистами.

Свобода может быть только для коммунистов. Свобода для некоммунистов - это реакция и фашизм.

Мы спасли чехов от реакции и фашизма.

К столетию Октября может быть даже ты получишь однокомнатную квартиру.

Ночью спи при ярком электрическом свете и вставай всегда в 6 часов. Не жалея денег на электроэнергию! Еще Суворов сказал: "Тяжело в ученье, легко в бою!" Я же скажу тебе: тяжело спать дома, легче будет спать в тюрьме!

Если встретишь китайца и он предложит тебе цитатник Мао, гордо откажись, сказав при этом, что: твой тощий цитатник! Я неустанно изучаю классиков марксизма-ленинизма! Их у меня целая библиотека!

Выучи эти афорзмы наизусть и пользуйся ими в жизни твоей и ты будешь счастлив в отечестве твоём! /последний афоризм по порядку. Ив. Русланов/

И еще раз скажу: благодари партию и правительство за их неустанную заботу о тебе!

/на обратной стороне листа/
Строго соблюдай тюремно-лагерный режим, иначе ты можешь попасть в карцер.

Если иноземец спросит тебя, в чем главная разница между китайскими и советскими коммунистами, то если ты мудрый, дальновидный и осторожный человек, ответствуй ему: у китайских коммунистов глаза косые.

С Лениным и в шалаше рай.

Не ругай евреев жидами, называй их сионистами, прихвостнями американского империализма.

Запомни, все евреи не жиды, а прихвостни международного империализма.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ”

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное» (4 раза в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском языке.

При издательстве — книжный склад.

POSSEV-VERLAG · POSSEV-REDAKTION
D-6230 Frankfurt a. M. 80, Flurscheideweg 15
Tel. Verlag: (0611) 34 12 65 · Tel. Redaktion: (0611) 34 18 19
Postscheckkonto 33461-608, Ffm.
Dresdner Bank AG Frankfurt a. M., Kto. 2412 755 00

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd.,
Surrey Hills, Vic. 3127.

АВСТРИЯ. L. Rudkevitch, Razumovskygasse 9-11/23, A-1030-Wien,
Tel. 7351 09.

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE12 OJS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094, 1000 Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. ДУТА, Apartado del Correo 51.241 z. p. 105, Caracas.

ГОЛЛАНДИЯ. Postbus 325, Rotterdam.

ДАНИЯ. D. Schewitsch, Admiralgade 22 II, DK - Kopenhagen K,
Tel. 15 37 32.

ИТАЛИЯ. A. Konovets, Casella Postale 429, Roma-Centro.

США. V. Molchanov, P. O. Box 582, Flushing, NY 11352

• M. Iwanow, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101

ФРАНЦИЯ. «Possev», 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris. Tel.: 250-62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Выпуски с 1 по 8: «Хроника текущих событий» №№ 21-27.

— Меморандум Демократического Движения. — Статьи В. Чалидзе и Л. Краснопевцева. — Суд над В. Буковским. — «Сеятель» № 1 и 2. — Религиозные документы. «Свободная мысль» № 1. — Листовки Гражданского комитета. — Р. Пименов. Один политический процесс.

Выпуск 9-10: «Вече» № 5 и статья Ф. Карелина.

Выпуск 11: Документы по делу Леонида Плюща.

Выпуск 12: М. Я. Макаренко. Из моей жизни.

Выпуск 13: Свидетель по собствен. делу и др. документы.

Выпуск 14-15: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974.

Выпуск 16: «Ре Патриа» № 1.

Выпуск 17-18: Из журнала «Вече» №№ 7, 8, 9, 10.

Выпуск 19: Попытки заключения в тюрьмах Грузии.

Выпуск 20: Из журнала «Земля» №№ 1 и 2.

Выпуск 21: Из-за колесной проволоки.

Выпуск 22: ВСХСОН. Материалы суда и программа

Выпуск 23: Хроника архиепископата ГУЛаг.

Выпуск 24: Сопровождение религиозным преследованиям.

Выпуск 25-26: Группа Содей-

ствия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Выпуск 27: «Как вести себя на обыске» и другие документы 1976 г.

Выпуск 28: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Документы.

Выпуск 29: Июньские новости. (Записки неаккредитованного). Марк Поповский.

Выпуск 30: Свободный профсоюз трудящихся. Устав и другие документы.

Выпуск 31 - 32: Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Информационные бюллетени.

Выпуск 33: Свящ. Д. Дудко. «Враг внутри» (сборник статей). «В свете преображения» (еженедельная православная газета).

Выпуск 34: СМОТ. Информационные бюллетени.

Выпуск 35-36: Свящ. Г. Якунин. О современном положении Русской Православной Церкви и перспективах религиозного возрождения России. Приложения.

Выпуск 37: В. Белов. Размышления не только о Сычевке.

Выпуск 38: «Женщина и Россия». — Комитет защиты Т. Великановой.

Выпуск 39: Христианский семинар.